

ВИКТОР САМОРСКИЙ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЛИНГА ШАРИРА

Третье возрождение феникса

Виктор Саморский

**Линга Шарира. Третье
возрождение Феникса**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Саморский В. Р.

Линга Шарира. Третье возрождение Феникса / В. Р. Саморский —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Что произойдет, если однажды осознанными сновидениями заинтересуются военные? Что если технологии ОС и практики Дзогчен будут использованы не для духовного развития личности сновидящего, а для сугубо практических и деструктивных целей противостояния между спецслужбами различных государств: шпионажа, чтения мыслей, контроля сознания, внедрения агентов влияния, физического устранения высших офицеров командования, наведения массовых галлюцинаций на войска противника? Кто сможет противостоять боевым магам в сновидческом и реальном мире, если это один и тот же мир? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Эпиграф	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Саморский

Линга Шарира. Третье возрождение Феникса

Эпиграф

Если мы не умеем выполнять практику во сне, если каждую ночь впадаем в забытие, каковы же наши шансы сохранить осознание, когда придет смерть? Взгляните на свои переживания в сновидениях – вы узнаете, каково вам будет в смерти. Взгляните на свои переживания во сне – и вы обнаружите, пробуждены ли вы по-настоящему....

Ринпоче Тендзин. Тибетская йога сна и сновидений

Глава 1

Россия. Республика Саха (Якутия). Алдан.

26 января 2003 г. 15:20

Мохнатая белая собака захлебывалась отчаянным лаем. Из покосившейся избушки с конусной крышей вышла старуха, набросив на плечи старый вылинявший солдатский бушлат советского производства. За домом располагался крытый навес, здесь хранились шкуры зверей, туша недавно разделанного оленя, несколько пар широких лыж, обшитых оленьим мехом для лучшего скольжения. На ржавом гвозде скучал потрепанный жизнью карабин с погнутом стволом и расколотым надвое прикладом, затвор с него был снят и надежно припрятан. На Севере умели ценить нужные вещи, и понапрасну не разбрасывались тем, что еще может сгодиться в хозяйстве, в качестве запчастей. Неподалеку от навеса стояла небольшая брезентовая палатка, где очень давно одиноко ржавел снегоход «Буран». Рядом с палаткой валялись пустые металлические бочки для горючего и занесенный снегом до полной неузнаваемости первоначальной формы металлический контейнер с неизвестным содержимым.

Проваливаясь в глубокий снег, старуха зашла за угол дома и, прикрыв лицо ладонью от обжигающего морозного ветра, спросила:

– Куда собрался?

– В Москву поеду, однако, – ответил невысокий старик плотного телосложения.

Он ловкими и уверенными движениями запряг оленей, смазал жиром полозья, погрузил в нарты строганину из лосося, мешок с одеждой, моток бечевки и старое одеяло.

– Может, снегоход возьмешь? – на всякий случай уточнила жена.

– Нет, – покачал головой упрямый старик, – олени лучше. А ну, как горючее в пути закончится? И как мне тогда, прикажешь пешком идти?

– Что там, в Москве?

– Сон мне сегодня приснился, – нахмурился старик, – друг просит помочь, молодежь учить надо.

– Надолго? – риторически спросила жена.

– Как получится, – отвечивал тот, – на все воля божья.

Старуха нахмурилась и ушла в дом, а пожилой якут еще некоторое время возился, собирая самое необходимое для поездки. Потом уселся на нарты, взял в руки поводья и строго прикрикнул на оленей. Нарты легко заскользили по снегу, оставляя неглубокие борозды, которые очень быстро заметет снегом.

Россия. Москва. Театральный проезд. Интернет-кафе «NetLand»

26 января 2003 г. 18:37

В интернет-кафе было шумно и тесно. Ерохин с трудом протискивался сквозь толпу фанатов компьютерных игр, плотно сгрудившихся вокруг импровизированного помоста – сцены. На нем стояли два шупленьких подростка, слегка растерянных, взъерошенных и вспотевших от напряжения турнира. Оба щурились от яркого света софитов и многочисленных вспышек репортеров. Голос ведущего мероприятия гремел и звенел мощной акустикой, отражался от стен и реверберировал.

– И наконец, мы объявляем абсолютных победителей чемпионата ASUS Cup Winter 2003. Напомню еще раз, что это первый из серии турниров ASUS Open, созданного в рамках сотрудничества российского киберспортивного портала cyberfight.ru и компании по производству компьютеров и комплектующих ASUSTeK Computer. Наш сегодняшний турнир Quake 3

собрал самые лучшие команды киберспортсменов из России, Украины и Белоруссии. В суперфинале встретились команды, представляющие организаторов и спонсоров турнира. Победу одержали...

Ведущий сделал театральную паузу, и музыка заиграла громче, а в следующую секунду громовой голос ударил по барабанным перепонкам присутствующих и заглушил все прочие звуки в зале.

– Алексей Смаев, выступавший под ником «uNkind», и Антон Синьгов, принимавший участие в турнире под ником «Coolleg». В суперфинале они обыграли Романа Тарасенко, ник «Polosatiy» и Ильдара Шаймарданова, ник «noVar» со счетом 63:35. Ура победителям!

Зал дружно грянул ура.

– Для вручения наград приглашаю на сцену исполнительного директора федерации компьютерного спорта, Дмитрия Вячеславовича Смита. Победители награждаются памятливыми медалями, именными дипломами, а также видеокартами ASUS V9280S. Аплодисменты Антону и Алексею, они их честно заслужили!

Зал взорвался аплодисментами, приглашенные на мероприятие репортеры старательно щелкали камерами, яркие вспышки слепили зрителей.

– Второе место на турнире присуждается Роману Тарасенко и Ильдару Шаймарданову. Аплодисменты ребятам! Второе место не менее почетно, чем первое.

Зал снова взвыл.

– Еще раз громкими аплодисментами поздравим номинантов, пожелаем им высокого профессионального мастерства, успехов в труде и учебе и, конечно, здоровья! Предлагаем всем желающим сделать фото на память с победителями! Просим подняться на сцену всех сегодняшних участников турнира. И тогда чуть ли не все присутствующие одновременно полезли на сцену фотографироваться, шум, гам и какофония превысили все возможные пределы.

Ерохин стал медленно протискиваться к выходу сквозь беснующуюся толпу, это оказалось весьма непростой задачей. Теперь он точно знал, кто именно ему нужен.

Россия. Москва. Чертаново.

26 января. 2003 г. 20:02

– Вот сука! – выругался Артем, свесился с коляски и заглянул под колесо. Так и есть, ось лопнула, в том же самом месте, – прямо по сварке. Колесо накренилось, и намертво заклинило о корпус инвалидной коляски.

Чертов алкаш приварил кое-как, а бутылку содрал с инвалида, не побрезговал. Скотина!

Он снял перчатки, потер руки друг о дружку и подул на пальцы. Перчатки протерлись до дыр и кисти невыносимо мерзли от холода. И все же сдвинуть коляску с места удалось, с огромным трудом и невероятным напряжением мускулов, однако впереди ждала еще одна, совершенно непреодолимая преграда – ступеньки подъезда. О пандусах очень много говорят по телевизору, но в реальной жизни Артем пока видел только один, в аптеке за четыре квартала. На коляске по снегу добраться до этой, весьма недешевой аптеки, то еще удовольствие.

Был бы телефон, мамке позвонил бы, чтобы вышла помочь, подумал Артем и чуть не заплакал от досады. Маму похоронили неделю назад. Он так привык, что она всегда рядом. Никак не мог поверить в ее смерть. Мамы нет, и больше никогда не будет. Он почувствовал, как произвольно выползла слеза. Это от ветра...

Артем сжал ладонь в кулак, костяшки пальцев побелели. Закусил губу.

Не дождетесь, суки!

Придется сидеть и мерзнуть, пока кто-нибудь из сердобольных соседей не выйдет покурить, и не поможет затащить коляску по ступенькам. Старенькая затертая китайская куртка

типа «Аляска» с подкладкой из синтепона ни черта не греет. Холодно! Днем еще была оттепель, ласково светило солнышко и капала водичка с сосулук, а теперь пробирает до костей.

Однако, так и совсем околеть можно. Где соседи? Что все разом курить бросили?

Артем старательно прислушался, издали доносились смутно знакомые голоса и смех. Он слегка приободрился, расправил озябшие плечи.

Ничего, переживем и это...

Из-за угла дома вышла пьяная ватага: Упырь, Фикса и Щенок. Трое пьяных ублюдков, терроризировавших весь район. Когда-то давно, задолго до второй Чеченской, они были еще сопливыми подростками, тогда Артем мог свободно и безнаказанно надавать им щелбанов и поджопников. Но его время прошло, выродки подросли, возмужали, и обнаглели от полной безнаказанности. Некому поставить на место или всыпать ремня за проказы и хулиганство. Родители не смогли, школа не справилась, комиссия по делам несовершеннолетних упорно закрывала глаза. Все заняты, всем недосуг. В большом человеческом муравейнике жизнь бурлит круто и безостановочно.

– Ба, какие люди? – обрадовано завопил Фикса, – Давно не виделись! Как поживаешь, калеч?

– Нормально, – сквозь зубы прошипел Артем.

– А чего так невесел? Отчего нос повесил? Или ты не рад нас видеть?

Артем промолчал.

– Эй, калека! Я тебе что говорил в прошлый раз, – подался вперед Фикса, – не попадайся мне больше на глаза. Говорил? Ты по моему району катаешься, а налог на транспорт не платишь. Заплати налоги и спи спокойно, никто тебя не тронет. Но ведь ты же не платишь!

Троица дружно рассмеялась.

– Я застрял, – стуча зубами от холода, сипло выдавил Артем. Прозвучало очень жалко, – ребята, ну помогите, а?

– Ну конечно поможем, говно-вопрос, – осклабился Фикса и вдруг сильно пнул ногой в колесо. От толчка ось совсем отломилась и коляска вместе с Артемом рухнула набок, выродки дружно заржали. Громче всех старался Упырь, издавал какие-то, уж совсем по-совиному ухающие, звуки.

– Суки! – выругался Артем. Нервы окончательно сдали, замерз как собака, коляска сломалась, ублюдки глумятся. Сил нет терпеть унижения судьбы.

Он быстро пополз на руках к обидчикам:

– Поубиваю гадов!

– Забешься с мягким знаком пишется, или с твердым? – спросил Фикса, и первым захотел собственной шутке, а потом несильно ударил ногой в живот, – скорее, пнул. Артем уже давно научился терпеть любую боль, но не теперь. Он быстро выбросил руку вперед и ухватил Фиксу за штанину, резко потянул на себя. За три года упражнений с коляской стал сильнее – Фикса запрыгал на одной ноге, задергался, но освободить брюки не смог, Зашатался, теряя равновесие, взмахнул руками, словно большая уродливая птица, лишенная перьев. На помощь подельнику бросился толстый и неуклюжий Упырь.

– Лови, урод! – коротко бросил он, нанося удар ногой в лицо.

Увернуться не успел, попало по зубам, рот сразу наполнился кровью. Артем не отпустил штанину, а дернул сильнее, Фикса потерял равновесие и плашмя брякнулся на тротуар. Артем ухватил его за одежду и пополз, подминая под себя, не обращая внимания на град ударов по почкам, спине, копчику, по обрубкам ног. Дополз, ухватил Фиксу за ворот куртки, развернул к себе лицом, и что есть мочи врезал кулаком в ненавистную харю. Всю злость вложил в единственный удар, но и его хватило – Фикса захрипел, забулькал.

Эх, хорошо вышло! Давно не дрался.

Радость победы оказалась недолгой, Упырь расвирепел, лицо побелело и покрылось красными пятнами. Видимо, не привык, чтобы жертва сопротивлялась и пыталась дать сдачи.

Это тебе не с подростков дань собирать, бомжей гонять, да стращать «понаехавших» таджиков.

Подскочил к Артему и снова ударил ногой, целясь в лицо. Ухо взорвалось от нестерпимой боли, похоже на то, что ботинки подкованы, или как минимум, – дюбеля загнал в каблук. Артем произвольно вскрикнул, вопль утонул в шуме свалки. Упырь запрыгнул сверху, принялся бить и топтать ногами, стараясь попасть по беззащитной голове – шапка давно слетела и потерялась, на снег брызнула кровь, окрашивая алым.

– Нехорошо! – вдруг сказал кто-то не повышая голос.

Все четверо дружно повернули головы в сторону незнакомца. В свете уличных фонарей, при взгляде снизу, фигура мужчины лет тридцати, одетого в старомодное серое пальто, показалась очень высокой.

– Я говорю, – медленно и внятно повторил мужчина, – что нехорошо втроем нападать на одного, тем более, если он инвалид без ног.

– Он мне, кажется, зуб выбил, – прошамкал Фикса, в голосе явственно раздалась плаксивые нотки.

– Ты кто такой ва-аще? – прохрипел Упырь, – Чего надо?

Со звонким щелчком в его руке пришел в боевое положение нож-выкидуха.

– Да я – никто, – грустно ответил незнакомец, – мимо проходил...

– Ну и вали отсюда, мимокрокодил, пока трамваи ходят, – рявкнул Упырь, принимая угрожающую стойку.

– Но-но, тише, ребятки, тише, – поднял сразу обе руки мужчина, – я драться не умею. Может, как-то мирно можно вопрос решить?

– Вали нахер отсюда, козел, пока мы тебя на лоскуты не порезали, – Упырь уже входил в раж, – я же ты ща нашинкую, придурок. У врачей ниток не хватит заштопать.

Все трое, забыв об Артеме на время, переключились на незнакомца, стали окружать полукольцом, прижимая к стене подъезда. Щенок достал и быстро надел кастет, Фикса тоже извлек из кармана нож «бабочку», стараясь держаться подальше от незнакомца, почти не переставая, сплевывал кровь на снег.

– Это Чертаново, дружок. Здесь я хозяин! – прорычал Упырь.

– Это вряд ли, – очень тихо, но внятно сказал мужчина.

Дальше события развивались стремительно. Видимо сообразив, что незнакомец отступать не собирается, Упырь шагнул вперед и нанес удар ножом, целясь в грудь. Мужчина ловко перехватил руку, выкрутил ее, одновременно ударил тыльной стороной правой ладони по носу гопника. Следующим ударом по лучевой мышце капитан выбил нож, ловко поддел его носком ботинка и отправил в сугроб. И сразу же, ударил Упыря еще раз, согнутым локтем в переносицу. Толстяк мгновенно обмяк и кулем сполз на припорошенный снегом асфальт.

Оставшиеся без вожака Щенок и Фикса испуганно попятились, «бабочка» и кастет как по волшебству испарились, будто и не было вовсе. Фикса примиряющее взмахнул руками, как бы говоря, что инцидент исчерпан.

– Стоять! – вдруг рявкнул на них мужчина, до боли знакомым приказным тоном, – падаль с собой заберите. Минус три на улице, замерзнет нахер.

Возражать никто не посмел, растерянные и разом притихшие гопники подняли дружка, потащили на себе к соседнему дому. Ноги вожака оставляли две неглубокие борозды на снегу.

Мужчина подошел и наклонился над Артемом.

– Ну как, парень, жив? Ух ты и красавец! Завтра вся рожа синяя в крапинку будет.

– Нормально! – выдавил Артем и сплюнул кровь, – говоришь, драться не умеешь?

– Не умею, – развел руками тот, – не научили. Убивать умею, а драться – нет.

Артем быстро прикинул в уме.

– Военная разведка? – спросил он.

– Почти, – усмехнулся Ерохин, однако уточнять не стал.

– Я по движениям спецподготовку вижу, – Артем прищурился, правый глаз стремительно запылывал, контуры незнакомца двоились, – нас учили иначе.

Молодой еще, – размышлял Артем, – либо старлей, либо капитан. Скорее всего, ГРУ, тогда точно капитан.

Мужчина перевернул коляску в вертикальное положение, протянул Артему ладонь, и когда тот обхватил протянутую руку крепким рукопожатием, рывком, и практически без усилий, поднял парня с земли и усадил в покалеченное инвалидное кресло.

– Будем знакомы, Петр, – снова протянул руку незнакомец.

– Артем.

Не спеша пожали руки. Артем вдруг захотел поблагодарить, но так и не решился открыть рот. К чему слова, и так все понятно, в подобной ситуации он тоже не прошел бы мимо.

– Так, ну что тут у нас? – задумчиво пробормотал капитан, разглядывая поломку коляски.

– Да все, пиздец ей, – раздраженно махнул рукой Артем, – металлолом.

По квартире он, конечно, сможет передвигаться и ползком, но вот холодильник и газовая плита отныне будут недосягаемы. У холодильника морозилка сверху, в ней половина курицы осталась. Суп можно было бы сварить, на несколько дней хватило бы. Но как дотянуться? Разве что холодильник опрокинуть...

И денег почти нет, пенсия только на следующей неделе. За какой хрен коляску ремонтировать? Теперь даже без хлеба придется сидеть. На улицу как выбираться? Ползком? Артем чуть не застонал от досады, стиснул зубы и сжал кисть в кулак, давно не стриженные ногти вонзились в ладонь.

Не дождетесь, суки!

– Ясно, – распрямляясь, сказал капитан, – сварка нужна.

У него в руке появилась маленькая пластмассовая коробочка, неярко засветилась зеленым.

Сотовый, – догадался Артем, – престижная игрушка, наверное, бешеных денег стоит.

– Алло, Митрич, это Ерохин беспокоит, – протараторил капитан в трубку, – записывай адрес.

Он быстро и без запинки продиктовал адрес Артема.

Странно, подумал Артем, откуда случайный прохожий знает номер моей квартиры? То есть, он не просто шел мимо и увидел драку?

– Возьми с собой инструмент и сварочный аппарат прихвати. Тут моему другу, – Ерохин внезапно подмигнул Артему, – нужно инвалидное кресло слегка подшаманить.

Несколько секунд слушал неразборчивое бульканье в трубке.

– Нет, Митрич, до утра никак, он же без него, как без рук, – Ерохин на секунду замялся, – ну в смысле, как без ног. За сколько сможешь добраться? Сорок минут? Отлично, нас устраивает. Да, как обычно. Я завтра к тебе заеду, пузырь завезу.

Ерохин нажал отбой, и спрятал телефон в карман.

– Ну, рассказывай, как же тебя угораздило? – он кивнул на ноги парня, – Чеченская?

– А что тут рассказывать? Духи в зеленке растяжку поставили. Слишком поздно заметил, ребят предупредить успел, а сам...

– Ладно, не дрейфь, парень. Что-нибудь придумаем. Коляску я тебе новую привезу, но только дня через три-четыре. Раньше – никак. А эту сейчас Митрич починит. Поехали, что ли?

Он ухватил коляску спереди и потащил по ступенькам. Артем, как мог, помогал ему одним колесом.

– А пока мы с тобой слесаря ждем, дружище Артем, ответь, тебе часто снятся сны?

Глава 2

Россия. Московская обл. г Химки.

27 января. 2003 г. 06:10

Во сне Лена опять рисовала свою Картину...

Семен Михайлович, преподаватель по изобразительному искусству, неоднократно поправлял, – Елена, нужно говорить «писала». Она всегда соглашалась, не спорила, не вступала в дискуссию, ничего не доказывала старому и мудрому учителю. Только мысленно произносила, – все пишут, а я рисую. И даже сама не знала, почему так поступала.

Что это было? Глупое упрямство, желание противоречить авторитетам, отстаивание собственных убеждений, пусть даже и не всегда верных? Скорее всего, нет. Где-то там глубоко внутри себя она знала, что права. Чтобы не утверждал Семен Михайлович и орфографические словари, но пишут книги, а картины все-таки рисуют.

Это упрямство внутри нее было всегда. Мама говорит, что передалось по наследству от отца, и почему-то всегда начинала плакать, хотя к тому не было никаких причин. Сколько не пыталась Лена, вытянуть из мамы подробности не удавалось. Какой-то комплекс запускал свои коготки в израненное сердце, и мама наотрез отказывалась разговаривать.

После того как из семьи ушел папа, в квартире появилось множество икон и сомнительной религиозной литературы. Мама очень часто плакала и все больше замыкалась в себе. В сорок шесть лет она выглядела древней старухой.

Лена аккуратно установила на мольберт предварительно загрунтованный холст, не спеша достала палитру и набор из почти сорока кисточек. Эти кисточки подарил папа. Они стоили каких-то совершенно немислимых денег, и стоит ли упоминать, что в эпоху перестройки достать подобный дефицит, само себе уже подвиг. Лена очень дорожила ими, берегла, поэтому использовала всего пару раз. Они были слишком хороши, чтобы портить на какую-нибудь посредственную мазию или выполнение домашнего задания по художке.

Нет, эти особые кисточки были предназначены исключительно для создания шедевра, которым и была задумана ее Картина.

Лена никуда не торопилась, выдавила краски, налила разбавитель, нанесла на палитру и подобрала нужные тона.

Краски тоже папа подарил. Когда он узнал, что Лена увлеклась рисованием, приехал в гости и притащил целый чемодан подарков. Лена как-то, ради интереса, пыталась подсчитать стоимость, вышло почти на две маминых зарплаты.

Папа не был богат, работал простым инженером на оборонном заводе и получал копейки. У него была новая семья и двое детей от молодой жены. Работа вытягивала все силы и время. Жили скромно, перебивались от зарплаты до зарплаты. Заняться бизнесом или торговлей он не смог, спекулянтами не становятся, ими рождаются.

Но он каким-то непонятным образом сумел выкроить от семьи немалые деньги на подарки любимой дочери от первого брака. А через несколько месяцев привез еще и набор профессиональных кисточек. Лена никогда даже не пыталась узнать его стоимость, это было совсем не важно. Важнее было другое, таких кисточек больше ни у кого нет, даже у профессиональных художников кисти были гораздо проще и дешевле.

Именно тогда Лена твердо решила поступать в ВУЗ на художника-реставратора. Папа верил в нее, разве она могла подвести его? И поступила, хоть это оказалось непросто. А пару ночей перед экзаменами не спала совсем, – зубрила.

Успею еще, – думала она, – вся жизнь впереди.

Наметила композицию. Потом быстрыми, осторожными мазками стала набрасывать контур. Изображение словно само появлялось на холсте, как отпечаток проявляется на фотобумаге. Через некоторое время стало различимо огромное раскидистое дерево с тонкими и длинными ветвями. Потом появились опавшие желто-бордовые листья вокруг него. Постепенно возникла глубина, словно в плоское изображение добавили еще одно измерение. Вот небольшие кустики слева, а это соседние деревья. Фон не прорисован, но по отдельным, казалось, совершенно незначительным элементам, он безошибочно угадывался.

Теперь было ясно, что вокруг дремучий непроходимый лес. На небе сгустились тяжелые свинцовые тучи, и вот-вот должен обрушиться настоящий тропический ливень. А в самой глубине леса постепенно возникал контур одинокой человеческой фигуры. Скорее всего, мужской. В руках у возникшего из мрака небытия что-то было... Лена еще сама не могла понять, что это такое? Возможно, зонтик? А может быть, это какое-то оружие? Меч или шпага? Еще немного, и станет ясно. Не Лена творила картину, та сама собой возникала на холсте.

Получалось просто здорово! Она счастливо улыбнулась и проснулась...

И все еще улыбаясь, открыла глаза. Но тьма ночи не ушла, и уже не уйдет никогда.

И тогда Лена закричала...

А чуть позже, уже окончательно проснувшись, заплакала, громко, отчаянно, навзрыд. Из своей спальни прибежала мама, и стала успокаивать, как в далеком детстве, глядя по голове. Лена уткнулась маме в плечо и слезы ручьем текли на ночную рубашку.

– Ну что ты, Леночка, успокойся.

– Мама... – шептала Лена сквозь рыдания, – мама... я... не хочу... жить...

– Ну что ты, деточка, разве можно так говорить? Грех это! Самый тяжкий грех.

– Мама, мне все равно. Твой бог меня предал. Он создал меня художником, а потом сделал слепой. За что? В чем я провинилась?

– Доченька, – теперь мама тоже плакала, – бог посылает нам испытание. Мы должны его преодолеть.

– В чем смысл? – закричала Лена, – Как я буду рисовать в темноте? Ты понимаешь, что я никогда не смогу видеть? Зачем мне такая жизнь? Я хочу рисовать, но я ничего не вижу. Совсем ничего.

Ее тело сотрясла судорога. Это был первый нервный срыв за шесть месяцев...

Полгода назад Лена возвращалась домой из ВУЗа. Короткое светлое платье, белая сумочка, босоножки, в ушах затычки наушников с веселой мелодией. Сияло солнышко, вокруг бодро сновали прохожие. Когда она переходила перекресток, пьяный придурок на мерседесе, не успевший вовремя затормозить, вылетел на зебру. Лена не слышала отчаянных криков прохожих, поэтому отскочить в сторону от стремительно летящей машины не смогла. Краем глаза успела ухватить очень быстрое движение и повернулась. Последнее, что она увидела, это огромный красный капот в нескольких сантиметрах от себя. Страшный удар, Лена пролетела по воздуху несколько метров и упала, ударившись затылком об асфальт. И наступила тьма...

Через два часа Лена пришла в себя в реанимационном отделении центральной городской больницы. Голова осталась цела, но оказался поврежден зрительный нерв. Лена ослепла.

Потом были различные клиники и очень много врачей. Сколько денег потрачено на многократные обследования и лекарственные препараты, сложно сосчитать. Врачи развели руками и огласили окончательный приговор – амавроз необратим.

Лена выслушала диагноз без слез и истерик. С этого дня она превратилась в сомнамбулу, почти не разговаривала, глотала горькие таблетки, стойко переносила капельницы и уколы. Никогда не жаловалась, почти ничего не ела, но очень много спала. Словно пыталась навсегда уйти из реальности в сон. За полгода и без того худенькая девушка потеряла почти десять килограмм веса. Могла сидеть и часами не менять положения, уставившись в одну точку. Время

шло, лечение не давало положительных результатов. Чуда не произошло, надеяться больше на что.

И вот теперь Лену прорвало...

– Бог никогда не дает испытания тяжелее, чем может вынести человек. Значит, у него на тебя другие планы.

– Я хочу рисовать! – сказала Лена успокаиваясь. Она вытерла слезы рукавом ночнушки, всхлипнула и повторила еще раз, – я хочу рисовать! Произнесла твердо, голос почти не дрожал.

– Я возьму на работе отгул в понедельник, и мы опять поедem в клинику. Поговорю с Виталием Федоровичем, может быть, все-таки операция возможна? – в голосе мамы была слышна надежда и сомнение одновременно.

– Хорошо, мам, – ответила Лена, всхлипывая, – я справлюсь, мам. Тебе на работу нужно идти.

Мама вздохнула, еще раз погладила Лену по голове и ушла одеваться. Некоторое время Лена сидела неподвижно на кровати, обхватив колени руками.

Когда за мамой закрылась входная дверь, она нахмурилась, спустилась с кровати и пошлепала босыми ногами в ванную. Долго плескалась у раковины, приводя себя в порядок. Затем перебралась обратно в спальню, переделась в джинсы и розовую майку, расчесала волосы на ощупь, все так же на ощупь подкрасила губы. Долго стояла перед зеркалом, пытаясь увидеть собственное отражение. На долю секунды показалось, что она почти видит его.

Погладила холодное и гладкое стекло рукой, постояла в задумчивости и нерешительности, несколько долгих минут, затем отправилась в свою комнату, переделанную под рабочий кабинет. По квартире Лена давно перемещалась спокойно и уверенно. За шесть месяцев темноты она наизусть выучила обстановку в квартире, научилась определять положение мебели простым прикосновением, а наличие мамы в комнате – по едва слышному дыханию. В последние дни она стала гораздо четче различать разговоры соседей за стенкой, лай собаки у подъезда, крики детишек с игровой площадки и шум автомобилей с улицы. А вместе с тем, обострились запахи, она уже точно определяла, что готовили соседи на ужин.

В кабинете стоял стол, на котором располагалась широкая и низкая чаша. Лена налила совсем немножко воды и принялась аккуратно разминать глину. Не спеша принялась ваять.

Лепить можно и в темноте, – пыталась успокоить себя Лена. Но это обман. Очень хотелось увидеть, что у нее получается. Но как это сделать?

Помучившись больше часа, Лена скомкала глину в большой комок и положила обратно в чашу. Снова наведальась в ванную и переделась в любимое платье. Раньше оно было красным, теперь это просто набор осязательных ощущений...

Еще немного постояла у зеркала. Просто так, без всякой видимой цели. Наверное, привычка.

Присела за стол и стала ждать маму. Сидела и смотрела в себя, время от времени легонько дотрагиваясь до стрелок больших мужских наручных часов, у которых мастер снял стекло.

Часы тоже папины. Нелепо большие мужские наручные часы. И в этом оказался их плюс, можно аккуратно пощупать циферблат и узнать время, без риска поломать механизм или согнуть стрелки.

Мама пришла с работы без десяти шесть. Зашла в комнату, погладила дочь по голове и даже не стала ругать за то, что Лена не обедала. Ушла переодеваться и готовить ужин.

В 18:05 в дверь позвонили. Мама открыла визитеру. Некоторое время с лестничной клетки доносились голоса – взволнованный мамин и спокойный, уверенный мужской баритон. Голос спокойный, добрый, приятный и одновременно властный, не терпящий возражений. Лена внимательно прислушивалась, пытаясь понять, о чем идет речь?

Наконец мама вошла в комнату, и вместе с ней вошел еще кто-то, волна чужих, незнакомых и волнующих запахов.

– Лена, это к тебе, – сказала мама.

– Здравствуйте, Елена, – раздался приятный мужской голос.

– Здравствуйте, – бесцветным голосом отозвалась Лена и вздохнула. Пахло мужчиной и табаком, а сквозь очень дорогой парфюм, пробивался очень слабый, но четко различимый аромат. Он оказался ей незнаком. Мужской, агрессивный, очень неприятный, и в то же самое время, чем-то неуловимо притягательный. Словно стая волков... Словно табун лошадей... Словно стадо буйволов...

Лена внезапно поняла, чем пахнет от незнакомого человека – казармой.

– Вы военный? – спросила она.

– Капитан Ерохин, – представился мужчина, нисколько не удивившись вопросу.

– А по имени?

– Петр Яковлевич, – ответил он после секундной заминки.

– Петр, – задумчиво повторила Лена, – Петя. У вас очень красивое имя. Мужественное.

– Обычное, – пожал плечами Ерохин, – в переводе с греческого означает камень.

– Я знаю, – сказала Лена, – а можно, я вас потрогаю?

– Пожалуйста, – ответил Ерохин. Видимо, был готов к вопросу. Подошел ближе и слегка наклонился.

Лена подняла руку и плавно провела по лицу мужчины сверху вниз. Над левой бровью рука задержалась на секунду, нащупав небольшую вмятинку старого шрама. Мысленно нарисовала себе усатого мужчину лет сорока, но гость оказался чисто выбрит и усов не носил.

– У вас мужественное лицо, – сказала она вслух.

Кажется, я повторяюсь. Но ведь нужно же что-то сказать?

– Я знаю, – ее словами ответил незнакомец, и засмеялся.

Лена тоже улыбнулась, и это была ее первая улыбка за последние шесть месяцев.

– Скажите, Елена, а вам часто снятся сны?

Россия. Москва. ул. Матросская Тишина. 28 января. 2003 г. 15:37

Психиатрическая Клиническая больница № 3

Разговор в кабинете врача длился почти час, оба собеседника мечтали поскорее закончить, однако найти общий язык все никак не удавалось.

– Иными словами, – настаивал Ерохин, – это шизофрения?

– Нет, это не так, – воспротивился врач, – Очень многие путают, но диссоциативное расстройство идентичности это отнюдь не шизофрения. Это очень редкое психическое расстройство, при котором, под влиянием стресса личность человека разделяется на две или более. Болезнь, как правило, развивается в период раннего детства, когда ребенок беззащитен и нуждается в опеке, но недополучает ее в нужном количестве. Либо приобретает сильный травматический опыт, нанесенный близким человеком. Так же, заболеванию может способствовать ранняя смерть родителей, война, техногенная катастрофа, насилие, критический эмоциональный стресс, серьезное заболевание или какая-то другая стрессовая ситуация. В любом случае, оно связано с эмоциональной дисрегуляцией и пограничным расстройством личности. Психика человека – крайне мало изученная область.

В дальнейшем на стресс накладывается врожденная способность к диссоциации, то есть отделению воспоминаний от сознания, которая порождает новую личность, гораздо более устойчивую к стрессовой ситуации. Можно считать это защитным механизмом психики. Чтобы выжить, личность вынуждена приспособливаться к условиям окружающей среды.

– А это точно не симуляция?

– Многие психологи и психиатры считают, что диссоциативное расстройство идентичности имеет слегка надуманный характер. Другие, наоборот, уверены, что это не расстройство, а естественная вариация человеческого сознания. Так, например, Джеймс Хиллман утверждал, что персонификация личностей относительна. И поэтому не нужно считать «синдром множественной личности» психическим заболеванием, а скорее, следует рассматривать как уникальную особенность психики. С течением времени у любого человека под влиянием социума слегка меняется характер и привычки, но это же не считается отклонением. Вы согласны?

– Я не сумасшедший, я просто не такой как все, – произнес Ерохин задумчиво, пошевелился в кресле, слегка поменяв позу – а как происходит процесс переключения между личностями? Что является спусковым механизмом для хм... рокировки персонажей?

– Что является триггером? – психиатр задумался, – как правило, это возникновение определенных условий, характерных для стрессовой ситуации. Либо максимально близкое приближение окружающей обстановки к таковым. Для каждого больного сугубо индивидуально, кому-то нужно угрожать оружием, кто-то должен увидеть труп. Иногда достаточно даже негромкого звука, щелчка выключателя, сигнала автомобиля, телефонного звонка, единственного произнесенного слова или ключевой фразы. Да все что угодно! Как я уже сказал, длительное наблюдение в стационаре поможет, выявить механизмы и факторы, вызывающие смену идентичностей.

– То есть, заочно вы не можете однозначно идентифицировать механизм?

– Нет, это невозможно. И я вам вполне серьезно заявляю, не нужно тянуть. Чем быстрее вы привезете больного, тем скорее мы сможем начать лечение.

– Как? – удивился Ерохин, – Вы же сами сказали, что медикаментозное лечение малорезультативно. Как вы тогда собираетесь его лечить? Лоботомией?

– Ну что вы, молодой человек, сейчас не сороковые годы двадцатого века. Никто из психиатров уже давно не применяет топорик для колки льда. Диссоциативное расстройство довольно успешно лечится с помощью когнитивной психотерапии, клинического гипноза, инсайт-ориентированной психодинамической терапии. А медикаментозное лечение применяется для облегчения сопутствующей депрессии. Вполне достаточно самых распространенных антидепрессантов.

– Понятно, – кивнул головой капитан, – нисколько не сомневаюсь в эффективности лечения, скорее сомневаюсь в его целесообразности. Напичкаете пациента таблетками, и он превратится в овощ...

– Иногда можно отказаться от реинтеграции различных личностей в одну хорошо функционирующую идентичность, достаточно обеспечения бесконфликтного и сотрудничающего отношения между ними. Понимаете?

– А вот это уже интереснее, – Ерохин слегка наклонился вперед, внимательно прислушиваясь к словам собеседника.

– Каких-то универсальных рецептов просто не существует, для каждого больного схема лечения назначается врачом исходя из клинической картины. Но самое главное, это конечно отношение к больному. Фармакология вторична, в первую очередь нужно обеспечить душевный покой, отсутствие стрессов и тревог, раздражающих факторов, тогда лечение будет иметь эффект. Нужно добиться внутреннего равновесия, гармонии личности. И вам не понадобятся ни таблетки, ни топорик. Понимаете меня?

Ерохин кивнул.

– Рекомендуются с равным уважением относиться ко всем альтер-личностям, потому что это части единого целого. Любая попытка насильственного подавления одной из них неизбежно приведет к внутреннему конфликту и лишь усугубит ситуацию. В конечном счете, все может закончиться суицидом.

– Понятно, – сказал Ерохин, поднимаясь из кресла, – учтем. Доктор, большое вам спасибо за консультацию.

Глава 3

Россия. Московская обл. г Мытищи. 28 января. 2003 г. 17:24
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

– Товарищ полковник, разрешите войти? Вызывали?

– Заходи, Ерохин

– Товарищ полковник... – капитан на секунду запнулся, пожимая протянутую руку, – мы можем поговорить?

– Непременно поговорим, Ерохин, – Самохвалов полез в ящик стола и извлек какие-то документы, – но не сейчас, и даже не сегодня. Потому что ты отправляешься в срочную командировку.

Он быстро взглянул на часы.

– Но, товарищ полковник, – запротестовал Ерохин, – вы можете хотя бы объяснить, что происходит?

– Могу. Все могу объяснить и обязательно все объясню, но потом. А пока вот, – он подвинул на край стола папку, – это личное дело осужденного – Коваль Сергея Леонидовича. Мне нужен этот человек! Поэтому ты, Ерохин, отправляешься в Хабаровск, в «исправительную колонию № 3». Вот документы на этапирование ЗК, разрешение на оружие. ПМ в оружейке. А вот твои документы.

Ерохин машинально открыл паспорт, удивленно поднял взгляд на полковника.

– Ну что ты как блондинка ресницами хлопаешь? Естественно, не под своей фамилией полетишь. Высшая категория секретности, это вам не шуточки. Не нужно настоящими паспортами в аэропортах светить, мало ли кто получит доступ к этой информации. Так, начальнику колонии я позвонил и предупредил, что будешь завтра в 13:00. Обещали встретить у трапа, доставить в колонию и обратно в аэропорт на спецтранспорте. Разнарядка из центрального управления ФСИН отправлена. Вот билеты на самолет. Рейс по расписанию сегодня в 22:10. До Хабаровска один, обратно два билета. Вот новый паспорт для Ковалья, но оформлен уже на другую фамилию. ЗК самолетом не перевозят, но у нас нет времени покатушки на поездах устраивать.

Ерохин озадаченно кивнул.

– Так, а какая у заключенного теперь фамилия? Ага, Мотыль. Ну, значит и будет он у нас «мотылем». А лучше «мотыльком». Захотела муха сладкой жизни и влипла. Полетел наш мотылек на свет лампочки, да обжег себе крылышки, и теперь он ЗэКа...

Полковник задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола.

– Ерохин, твоя задача предельно проста. Летишь в Хабаровск, в колонии забираешь «мотылька» и везешь на базу. Вопросы потом, время не ждет.

Россия. Московская обл. г Химки.

28 января. 2003 г. 17:55

Сегодня ночью Лена видела странный сон, содержание которого не смогла бы рассказать даже маме. Она стояла у огромного панорамного окна, за которым находилось пронзительно-голубое небо с легкими перышками ослепительно-белых облачков. А вдалеке парил многоярусный летающий город. Словно неведомая сила оторвала его от земли и вознесла на полукилометровую высоту, где оставила висеть вопреки всем законам физики. Можно было

легко рассмотреть громады зданий, вздымающихся ввысь, и пестрые ленты причудливых авто-страд, по которым непрерывно шел поток разномастных автомобилей.

Как зачарованная, смотрела Лена на летающего монстра и не могла отвести взгляд. Для нее временно перестали существовать все критерии красоты и гармонии. Город был невозможен, но он был абсолютно реален. И чем пристальнее Лена всматривалась, тем больше различала мелочей. Отдельные детали архитектурных сооружений: колонны, арки, окна, карнизы. Марки проезжающих автомобилей, рекламные баннеры, фигурки людей, цвета флагов, брызги воды поливалок в ботаническом саду, цветущие яблони в парке и многое-многое другое. У нее больше не было никаких мыслей в голове, а только одно единственное желание – рисовать этот город. Она уже знала, с чего начнет... вот прямо сейчас возьмет кисти и приступит.

В этот момент что-то огромное и черное сильно ударило в оконное стекло. Зазмеились трещины, водопадом брызнули осколки, ледяной ветер ворвался в помещение и грубо взметнул волосы.

И тогда она поняла, что внизу за окном бесконечное пустое пространство неизмеримой высоты, и что она сама находится в точно таком же городе, висящем над бездной. Лена вздрогнула, испугано отшатнулась. На мгновение подняла взгляд и увидела большую черную птицу напротив собственного лица. Птица висела в воздухе за окном, и даже не шевелила крыльями, ее держал набегающий поток воздуха. Маленькие черные глаза с ненавистью смотрели на Лену, хищный и слегка искривленный клюв открылся, издал гортанный клокочущий звук.

Потом птица быстро без напряжения взмахнула крыльями и стала стремительно приближаться. Ударилась в стекло еще раз. Посыпался целый шквал осколков, уже не только снаружи, но и внутри помещения. Их тут же подхватил вихрь и разметал по всей комнате. Лена прикрыла рукой глаза. А в это время птица ударила в третий раз. Она стала еще больше, и черная страшная тень накрыла половину комнаты. Лена закричала от ужаса и проснулась...

День прошел очень быстро, но Лена до сих пор помнила тот ужас пустоты под ногами и невыносимую глубину ненависти в маленьких бусинках глаз. Чтобы отвлечься, она переключила мысли на более приятную тему.

– Скажи мам, а он какой? – спросила Лена задумчиво, как всегда сидя за столом и глядя в себя.

– Что? – мама вышла из кухни и растерянно уставилась на дочь, – Леночка, что ты спросила? Мне не слышно из кухни, масло на сковородке шкварчит.

– Этот мужчина, который приходил вчера. Капитан Ерохин. А он какой?

Мама растерянно опустила руку с ножом.

– Какой? – она озадаченно повторила вопрос, – высокий, широкоплечий, черноволосый, —и вдруг вздохнула, произнесла с грустью, – красивый мужчина. Военные все красивые! У них выправка особая, спина прямая, шаг чеканный. Я ведь с папой твоим познакомилась, когда он на флоте служил. Как только его увидела, так сразу и влюбилась. И видимо, на всю жизнь...

Мама украдкой вытерла слезы фартуком.

– А он в форме приходил? – спросила Лена.

– Нет, доченька, костюм обычный был, серого цвета. Белая рубашка, галстук в синюю полоску, пальто, туфли. Но военного человека сразу видно, по осанке, походке, речи.

– Петр Яковлевич, – задумчиво сказала Лена и еще раз повторила мысленно, – Петр Яковлевич.

Россия. Московская обл. г Мытищи. 28 января. 2003 г. 18:03

Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

– Ну, и что вы скажете? – спросил Самохвалов.

Николай покачал головой, дочитывая последний лист.

– Вы знаете, Василий Петрович, я просто ошарашен. Можно даже сказать, шокирован. У меня создалось весьма двойственное впечатление. Информация, которой вы соизволили поделиться, вызывает оторопь и недоумение. Если это правда, а я склонен вам верить... вам и вашему ведомству...

Он слегка замялся, подбирая правильные слова, открыл рот, но вдруг стушевался и сник. Достал платок, снял очки и принялся их протирать, хотя нужды в этом никакой не было.

– С другой стороны, Василий Петрович, этого просто не может быть. Понимаете? Семен Моисеевич никогда и словом не обмолвился. Даже не намекнул ни разу. Мы довольно долго работали вместе, и если бы что-то такое было, я бы точно знал. Это не скрыть, понимаете?

Он задумчиво ходил по комнате, теребя листки, дрожащей рукой поправил очки.

– Да и вообще, о чем разговор? Этого не может быть, потому что не может быть! Научный материализм отрицает существование чудес. Прежде чем утверждать все это, – Николай потряс листками с машинописным текстом в воздухе, – необходимо создать строгий научный базис. Мы не можем обосновывать абстракции ветхозаветными текстами религий, да нас засмеет научное сообщество всего мира.

Полковник, слегка прищурившись, внимательно наблюдал за возбужденным младшим научным сотрудником. Он даже не скрывал улыбку, откровенно забавлялся происходящим.

– Нужны серии экспериментов, выполненные независимыми наблюдателями. Сбор достаточного количества материала и его последующий анализ. Выдвижение и проверка гипотез. Концептуализация парадигмы. Нужна фиксация результатов средствами наблюдения, и обязательное документирование всего процесса поэтапно. Нужно выработать объективную теорию, объясняющую суть феномена. Нужна интерпретация полученных явлений и факторов. Нужно математическое и предметное ситуационное моделирование. Формулы. Расчеты. Факты. Понимаете?

Полковник согласно кивнул головой.

– Мы не можем вот так взять и разрушить существующую картину мира, не предложив ничего взамен. Любая, даже самая незначительная коррекция совокупной системы знаний человечества требует систематического подхода. Воспроизведения эмпирических результатов в любой лаборатории мира. Субъективщина полностью исключена! Наука не принимает ничего на веру, просто так и без доказательств, даже если источник информации исключительно надежен. Это работа не для одного человека, и даже не для одного института. На долгие-долгие годы. Если конечно, все это правда...

Самохвалов усмехнулся, он был вполне удовлетворен полученным результатом разговора.

– Николай Павлович, вы тут нагородили целую гору из умных слов, за которыми пытаетесь спрятаться от реальности, словно за ширмой. Если вы чего-то не знаете, то это не значит, что явления не существует. Я человек военный, даже при всем желании не смогу предоставить цифры, факты и доказательства. У меня их просто нет. Предлагаю вам самому их получить. Опытным путем. Методом проб и ошибок. Самостоятельно. А мы предоставим вам все необходимые условия.

Полковник на секунду задумался, а затем продолжил:

– Скажем так, ваш институт получит от Министерства Обороны некий, очень условный заказ и весьма приличный грант на исследования по данной теме. Покупайте необходимое оборудование, компьютеры, приборы, мобилизуйте специалистов. Экспериментируйте, изучайте, разрабатывайте ваши умные теории. Подводите базис, возводите надстройку. Нам это совершенно не интересно. Что нам нужно, вы уже знаете. Выполните заказ, и работайте потом над

вашиими теориями столько, сколько нужно. Единственное ограничение – это согласование данных для публикации в СМИ. Не все можно, и не все нужно озвучивать широкой публике. Есть вещи, которые необходимо держать в тайне, в интересах повышения обороноспособности нашей с вами Родины.

– Ваше предложение, гм... столь неожиданное.... – Николай покраснел, и снова принялся протирать очки, – да, я двумя руками – за! Тема хоть и неожиданная, но весьма перспективная, на мой взгляд.

– Значит, вы согласны?

– Я могу подумать? – замялся Николай.

– Нет, – отрезал полковник, – решение вы должны принять немедленно.

– Хорошо, – вздохнул Николай, снял очки и вытер вспотевшее лицо, снова надел, – я согласен на ваши условия. Сколько у меня времени, и что именно я должен сделать?

Полковник Самохвалов поднялся, показывая всем видом, что аудиенция окончена.

– У вас очень мало времени, около года, – сказал он. Секунду поразмышлял и добавил, – а может быть и меньше.

– Вы ведь в курсе, что экспериментировать на людях запрещено?

– Команда добровольцев будет собрана очень быстро. Это наша проблема. Занимайтесь пока оборудованием, подбирайте, покупайте. Если чего-то нет в наличии – заказывайте. Если что-то необходимо доставить из-за рубежа – рапорт мне на стол. Что? Где продается? Сколько стоит? Все купим, привезем, установим, подключим. Помощников у вас будет предостаточно.

– Могу я пригласить для участия в работе над проектом иностранных специалистов?

– Нет! – отрезал полковник.

– Хотя бы проконсультироваться?

– Категорически нет. Никакая информация о проекте не должна покинуть пределы военного городка. Никакая! Максимальная секретность.

– Какой у меня бюджет?

– Это нам скажете вы. Составьте смету на оборудование, компьютерную технику, приборы, материалы и т.п. Мы все оплатим.

– Какое количество персонала я могу набрать? Сколько я им должен платить?

– На ваше усмотрение. Составьте список потенциальных сотрудников лаборатории для утверждения. Вознаграждение задействованным исключительно в конвертах. Подписка о неразглашении – всем без исключения. По любым затруднениям – немедленно мне рапорт на стол. Еще вопросы есть?

Николай тяжело вздохнул и опустил голову.

Россия, Москва, Северо-Западный административный округ, район Митино
28 января. 2003 г. 19:21

Алексей выскочил из-за ящиков и дал длинную очередь из Калашникова, пули весело зашелкали по кирпичной кладке, высекая длинные искры. Противник заметался на месте, отступить ему было просто некуда. Ага, попался! Алексей перезарядил автомат, ловя быстро движущийся силуэт в перекрестье прицела. Нажал спусковой крючок, Калаш запрыгал в руках, брызнула кровь, фигура противника подломила, рухнула на песок.

Еще один «минус», – отметил про себя Алексей, – расслабляться рано, где-то третий, почти наверняка залег со снайперкой на крыше казармы. Незаметно подобраться можно двумя путями, по лестнице или через здание. Придется изрядно побегать, чтобы не нарваться по глупости или в спешке.

Он перекинул автомат за спину и извлек нож, зажал его в правой руке, приподнял голову, осмотрелся. Неестественная тишина на секунду поразила, враг затаился, выжидает.

Хитрый жук, но я все равно хитрее, – подумал Алексей и короткими перебежками пересек открытое пространство, время от времени прячась за ящиками и бочками, в произвольном порядке разбросанными по площади. Добрался до пологого спуска в туннель, перепрыгнул через парапет, чтобы не терять драгоценные секунды. На лету перехватил автомат, переводя в боевое положение, ловко приземлился и тут же откатился в сторону. Быстро оглядел пустой коридор тоннеля. Никого!

Секундная пауза. Вскочил и рванул вперед по тоннелю, вода на бегу стволом. Противника не видно, это хорошо, но все равно нужно быть начеку. Добежал до глухой стены, повернул вправо, сделал еще несколько шагов, остановился, отдышался. Вскинул автомат, прижал приклад к плечу и осторожно выглянул в подвальное окно. Как ожидал, площадь совершенно пуста. Теперь можно не торопиться, не спеша, внимательно осмотрелся. Нужная крыша далековато, плохо видно, а у противника снайперка с оптическим прицелом, и я у него как на ладони. Впрочем, плевать, она большая, тяжелая и неудобная для перестрелок в трущобах. Побеждает не тот, у кого ствол длиннее, а тот, кто мобильнее.

Алексей снова двинулся вдоль узкого коридора, добрался до деревянных ворот, осторожно раздвинул створки и выглянул в образовавшуюся щель. По двери сразу защелкали пули винтовки «спецназовца». Юркнул обратно, сдавлено матернулся, перезарядил автомат и убрал за спину. Извлек светошумовую гранату, прикинул в уме маршрут, потом решительно сорвал чеку.

Так, теперь все решают секунды. Швырнул гранату через приоткрытую створку, отсчитал пару секунд, побежал, на ходу вскидывая автомат. Практически не глядя в сторону противника, дал длинную, во весь магазин очередь в сторону крыш. Даже не пытался попасть, слишком далеко для прицельного выстрела на бегу. Проскочил закуток и прыгнул через перила ограждения, с шумом и плеском приземлился по грудь в воду.

Эх, поторопился, не попал на мостки. Впрочем, не важно...

Побрел по воде до ближайшего пандуса, выбрался на набережную, быстро побежал вдоль канала. Звук шагов отчетливо разносился по округе. Это плохо, противник не глухой, может поменять точку. Палевно. Он прыгнул обратно в воду и побрел к тому же пандусу. Будем считать, что передумал. Выбрался на набережную и крадучись двинулся к ступеням каменной лестницы, здесь шаги практически не слышны. Стрелой взмыл по ступенькам, высунул из укрытия срез ствола, замер, стараясь не дышать.

Снайпер не подавал признаков жизни. Ясно, засел наглухо, простреливает почти всю площадь, патронов полно, время идет. Он что собирается сидеть там до конца раунда?

Алексей быстро пересек улицу, прижавшись к кирпичной стене замер. Выждал несколько секунд, потом перебежал на другую сторону ответвляющейся улочки и нырнул под навес. Снова выждал несколько секунд, затем прикрываясь бочками, добрался до угла дома. Подпрыгнул, повис на нижней перекладине, подтянулся, быстро полез по пожарной лестнице на крышу.

Заметил или не заметил? Остается только гадать. Если заметил, встретит с фанфарами...

Алексей добрался до самого верха, достал последнюю гранату, сорвал чеку. С максимально возможной прытью выскочил на крышу, швырнул гранату, дал короткую и не прицельную очередь в левый угол. Противник лежал на черепице спиной к нему.

Повезло! Не заметил он мои метания по закоулкам. Извини, друг, но в Counter-Strike я играю гораздо лучше тебя.

Алексей дал еще одну очередь, сильно вдавив левую кнопку мыши, под пальцем что-то ощутимо хрустнуло. Плевать! На экране высветилась надпись – terrorists win. Я один сделал всех троих. Класс!

Алексей улыбнулся и быстро защелкал клавишами, дождался ответа, засмеялся и снова застрочил сообщение.

Не вопрос, – писал он, почти не глядя на клавиатуру, – сделаю на easy. Пять минут перекур.

Алексей не курил, и начинать не собирался, пришло время поговорить с «родаками».

Он стащил наушники и крикнул, не вставая с кресла:

– Ма, меня в армию забирают.

На кухне что-то с грохотом упало и разбилось. Через секунду мать переступила порог Лешиной комнаты:

– Что ты сказал? – испуганно спросила она.

– Меня в армию забирают.

– Так тебе же еще нет восемнадцати?

– Спецнабор, – пожал плечами Алексей, – сегодня вызывали в военкомат, какой-то капитан Ермилов, или Ермолин, не помню точно. А может Ерофеев...

– А как же техникум? – допытывалась мама, – ты же летом поступать собирался?

– Ну, значит, после армейки поступлю, – хладнокровно рассудил Алексей.

– Тебе же отсрочку дали? – настаивала мать. У нее покраснело лицо, выступил пот, на лбу надулась и запульсировала вена.

Алексей равнодушно пожал плечами. Из спальни подтянулся отец, он уже был слегка «под мухой».

– В какие войска? – спросил он, дыхнув перегаром.

Алексей помотал головой.

– Не знаю.

– В стройбат, небось, – гоготнул батя, – траншеи рыть и генералам дачи строить.

Какая разница, – со злостью подумал Алексей, – лишь от вас свалить подальше.

– Мать, – крикнул батя, – быстро тащи «беленькую», это дело надо обмыть. На пару лет от нахлебника избавляемся.

– Тебе лишь бы повод найти, – дрогнувшим голосом сказал мать, всхлипнула и ушла на кухню.

Вот и все, – мстительно подумал Алексей, – поговорил, блин... одна с кухни не вылезает, впрочем вообще на все насрать, лишь бы водка была.

Он натянул наушники, и быстро нажал enter. Настроение испортилось, играть почти расхотелось. Он запустил Star Craft, по локалке присоединился к серваку, залогинился, вошел в чат. Большинство голосов выбрали Big Game Hunter. Алексей немного недолюбливал эту карту, считал читерской, слишком много минералов. Можно наглухо закупориться и всю ночь играть в обороне на пределе по пси. Сейчас оно, наверное, даже к лучшему, хотели крови и «мяса»? Значит, будет вам «мясо». Будет очень-очень много «мяса»! Алексей зловеще усмехнулся.

Он быстро защелкал клавиатурой и мышкой одновременно, курсор метался от одного строения к другому. Макро у него всегда отличный, даже если настройки нет.

Так, еще пару «рабов», депо, и как только бабки накопятся, сразу ставлю танковый завод. Черт, марики мало, может зерг раш быть, положат сразу. Барак, заказать еще пару автоматчиков. Апгрейд закончился. Отлично! Есть стимпак и два доктора. Все, теперь вы меня голыми руками не возьмете. Через пару минут еще танковый завод достроится. Газу мало, совсем мало, нужно вторую газилку ставить. А к ней еще трех рабов прицепить. Словно калькулятор в мозгу...

Кто-то тронул Алексея за плечо, он вздрогнул и быстро обернулся. В наушниках пронзительный женский голос завопил – under attack.

Нашли, – подумал Алексей и ужаснулся, все еще мысленно находясь в игре, – ну еще бы пару минут, я еще не готов. Почти наверняка снесут.

– Сынок, – икнув сказал отец, он держал в каждой руке по рюмке, – выпей со мной. Он пошатнулся и плеснул водкой на клавиатуру.

– Папа, – закричал Алексей, – осторожнее, клавиша.

– Извини, извини, – стушевался отец, – выпей со мной. Ты ведь взрослый уже. Тебе скоро автомат доверят. Родину защищать будешь.

– Пап, я сейчас не могу, у нас поединок.

– Да выключи ты эту срань, – психанул отец, – говорю же, тебе скоро настоящий автомат дадут. Настреляешься до тошноты. Сначала кросс, до стрельбища, – пятнадцать километров. А потом по три цинка на брата... пока ствол не раскалится до красна.... А ночью еще автоматы чистить. Свой, и еще три «дедушкам»...

Он был уже сильно пьян, язык заплетался, речь выходила путанной.

– Па, – Алексей с тоской посмотрел на экран, где зерги яростно атаковали его линию обороны, шансы отбиться еще были, но почти совсем ничтожные.

– Па, – повторил он со вздохом, – давай потом, а? Мне сейчас совсем некогда.

– Ну ладно, – пожал плечами расстроенный отец, – выпьешь потом, если надумаешь. Я спать пойду.

Он поставил на стол рюмку и ушел на кухню, откуда тянуло заворачивающим запахом жареных котлет. Алексей переставил рюмку в сторону, чтобы не опрокинуть ненароком на клавиатуру. Не удержался и понюхал содержимое.

– Фу, гадость какая, – сказал он вслух, – как это дерьмо можно пить?

Глава 4

Россия. Московская обл. г Мытищи. 29 января 2003 г. 10:24
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

– Товарищ полковник, разрешите? – открыв дверь, спросил Ерохин.

– Заходи, Петр Яковлевич. Как добрались?

– Заключенный Коваль Сергей Леонидович доставлен, – быстро и четко доложил капитан, и неофициально добавил, – нормально долетели, почти всю дорогу дрыхли.

– Заводи, – полковник поднялся и вышел из-за стола.

Ерохин завел Мотыля, встал рядом, не зная, что делать дальше. Заключенный оказался невысоким мужчиной крепкого телосложения и совершенно неопределенного возраста. На висках поблескивала ранняя седина, на смуглом лице выделялся немного кривой нос. Из особых примет только татуировка на предплечье в виде меча, рукоять которого походила на стилизованное распятое. Вокруг оружия непонятные штрихи, то ли языки пламени, то ли распростертые крылья. Татуха довольно старая и бледная, к тому же часть ее скрыта рукавом.

– Наручники сними, – приказал Самохвалов, – так и вез в самолете?

Ерохин наклонился, отомкнул и снял браслеты.

– Никак нет, товарищ полковник, в самолете заключенный был без наручников. Вел себя смиренно, попыток побега не совершал. Все прошло гладко. Общаться на отвлеченные темы со мной не пожелал, летели молча

– Ну и прекрасно, – полковник повернулся к заключенному, широко раскинул руки, – Серега!

– Петрович! – Мотыль бросился в объятия.

Ерохин в немом изумлении хлопал ресницами.

– Слава богу, ты жив, – сказал Самохвалов, – значит, еще не все потеряно.

Мотыль от неожиданного признания закашлялся.

– Сглазишь, Петрович. Из наших хоть кто-то остался?

– Якут. Я уже вызвал, едет поездом. Больше никого.

– И Семен Моисеевич?

– Сема умер. Давно, в 1991 или 1992, мутная история, потом расскажу.

– Группу хочешь восстановить?

– Именно так. Поможешь учить молодежь?

– Да, не вопрос. Научим, – улыбнулся бывший зэк.

– Ну, значит, договорились, – рассмеялся полковник, – Сереж, лучше расскажи, как на зону загремел? За что посадили?

– Петрович, долго ведь рассказывать.

– А мы никуда и не торопимся. Правда, Ерохин?

Капитан промолчал.

– Давай, Серега, проходи, присаживайся, – полковник кивнул на роскошное кресло, – я тебе коньячку налью, а потом обедать пойдем. Остановится, есть где?

– Нет, – честно признался Мотыль.

– С финансами тоже не густо, – догадался полковник, и подытожил, – значит, выпишем тебе подъемные и дадим служебное жилье в военном городке.

Мотыль благодарно кивнул головой.

– Кстати, – засмеялся Самохвалов, – хотя вы уже знакомы, но позволь все-таки официально тебе представить капитана Ерохина. Это твой непосредственный руководитель, командир группы Феникс-3.

– Догадался, – хмуро выдавил из себя Мотыль. Стало заметно, что он чем-то недоволен.

– Что-то не так, Сереж?

– Почему командир группы он, а не ты?

– Я на пенсии, лет десять уже.

– Вот оно что, – растерялся Мотыль, – стало быть, все? Годы?

– И годы. И власть новая, – не стал отпираться Самохвалов, – а новая метла, сам понимаешь, метет по-новому. И так метет, только щепки летят...

– Тогда зачем оно все, если ты на пенсии? – удивился Мотыль.

– А мне за державу обидно, – усмехнулся Самохвалов, – временно восстановлен в должности для сбора и обучения боевой группы. Об этом потом, ты свою историю рассказывать будешь?

– Если коньячку нальешь, – подмигнул Сергей, – а лучше сразу пару пузырей доставай. Нас же трое.

После расформирования группы «Феникс» нужно было срочно искать работу и жилье. Помыкался немного у старых друзей и знакомых, потом снял квартиру в Питере. Профессии нет, стажа нет, трудовой книжки – тоже. Куда ни сунься, платят копейки. Поработал немного, по мелочи, то тут, то там...

Красивые разговоры о перестройке стихли, началась бешеная инфляция. Цены как на дрожжах. Хотел на Севера податься, но ребята сказали – там туго все. Кто северные коэффициенты отхватить успел – те в шоколаде, а кто недавно с материка – голь перекатная. За жилье нужно отслюнявить больше ползарплаты, одежонку по климату прикупить. Короче, первые полгода конкретно бичевать придется, на анакомах и воде. А в нерезиновой теперь, мол, капитализм, большими бабками люди крутят, смотришь, и нам чего перепадет.

Решили мы тогда с корешем рвануть в Москву на заработки. Название конторы уже и не вспомню, какой-то «Пром-строй-дорог-ремонт». Поначалу устроились неплохо, – общага, питание за счет работодателя и даже выдали аванс. Работа, конечно, тяжелая, в основном «на лопате». Со временем технику освоил, – на бульдозере и асфальтоукладчике пришлось впахивать. Кореш быстро растворился на просторах Родины, работать не привык, а я втянулся. И даже нравиться стало. Полгода где-то отработал, когда все случилось...

Стали нам бабки задерживать, все чаще и чаще, а потом и совсем платить перестали. Пару авансов выдали и тишина. Месяца четыре мы терпели, потом заявили к директору, спрашиваем:

– Когда зарплата будет?

А он нам отвечает, нагло так, губу оттопырил и с ленцой произносит:

– Слышь, лимита, вы чего, права качать приперлись? А ну валите нахер отсюда! Уволены все трое по статье, без выплаты выходного пособия.

Я сперва тормознул, подумал, шутит.

– Ты чего, – говорю, – директор, нам работа нужна. Только вот пашем-пашем, а кроме аванса, выданного четыре месяца назад – ничего, одни обещания. Даже выпить не на что.

А он отвечает:

– Пошли вон. Не о чем мне с быдлом разговаривать.

Ну, ты же знаешь, Петрович, я всегда за справедливость. Кулаки сами собой сжались, я вперед шагнул и говорю:

– Мудила, пока бабки за работу не отдашь, никуда мы не уйдем.

Он на меня взглянул исподлобья, видимо, струхнул. Позвонил куда-то.

– Сейчас, – говорит, – бабло кассир привезет, и рассчитаемся сразу за все.

Вот только вместо кассира подъехали крепкие ребята с бейсбольными битами – человек шесть или семь. Я сразу все понял, в стойку стал, приготовился. А работяги, с которыми я на разборки к директору поперся, по одному в разные стороны линять начали. Их даже и не били особо, максимум, пару раз по спине перетянули, для острастки. А вот на меня все скопом накинулись, суки, как будто почувствовали, что не просто окажется.

Ну, ты ж меня знаешь, Петрович? Я отступать не привык. Посмотрел, а серьезный боец из них только один – бывший спортсмен. Остальные так, «быки», мужичье. В серьезных замесах никогда не участвовали. Понятий никаких, толпой на одного, количеством задавить решили.

Так что похеру мне стало на биты. Вырвал одну и пошел куролесить. Первого спортсмена уложил, с остальными еще проще оказалось. Как закрутилась мельница, трое в реанимацию, один и вовсе остыл... Сами виноваты. Понимали на что подписались? Не дети же малые, правильно Петрович?

В самый разгар веселья подлетают то ли менты, то ли спецназ, кто их там, в балаклавах, разберет? Выгрузились из бобика и давай всех подряд вязать, включая директора и его крышу. Все бы ничего, но досталось мне к тому времени изрядно, сам понимаешь, дюже многовато Гавриков на одного Ковыля. Тут удар в зубы пропустил, там битой по башке прилетело, короче от боли кровавая пелена на глаза упала. Совсем перестал соображать, где свои, где чужие. Да и не было там своих...

Короче говоря, Петрович, я сгоряча еще и двух ментов уконтропупил. Благо, что не насмерть...

Одним словом, спецназ – не бандиты, вырубил быстро. Очнулся КПЗ, потом одиночка, суд. Навешали столько статей, прокурор зачитывать умаялся. Все равно 102-я все перевесила – дали десять лет. И это еще по-божески, я считаю, могли бы и под вышак подвести, хоть и мораторий. А потом – этап. Привезли в Хабаровск. Зона. Там еще пять лет добавили за драку. Вот и весь рассказ.

Россия. 29 января 2003 г. 10:55

РЖД

Якут открыл глаза, резко сел на постели и осмотрел купе. Колеса равнодушно отстукивают привычное, «тук-тук – тук-тук», за окнами мелькают дорожные столбы. На горизонте заснеженный перелесок и небольшая речушка скованная серебром. Двое мужчин с комфортом обустроились на купейном столике, разложили нехитрую закуску – вареную курицу, яйца, помидоры, огурцы. В середине башенкой возвышается початая бутылка водки.

– О! – преувеличенно громко воскликнул один, – а вот и наш чукча проснулся.

И добавил, обращаясь уже непосредственно к Якуту:

– А что дед, давай присоединяйся к нам. По маленькой, за знакомство.

Якут отрицательно помотал головой.

– Не пью, однако.

Мужчины переглянулись.

– Чудно гутарит чукча, – хохотнул весельчак.

– Зря отказываешься, – сказал второй и взял в руки рюмку, – ну что Валек, вздрогнем, что ли?

– А то, – с задором воскликнул весельчак и подмигнул Якуту, – я на Вачу ехал плача, возвращаюсь, хохоча, – провозгласил он в качестве тоста и засмеялся.

Чокнулись, выпили, захрустели огурцами.

Якут улыбнулся и опустил голову на подушку, но уже через секунду улыбка медленно сползла с лица. Странный сон не давал покоя. И ведь приснилась же полная ерунда, – самого себя встретил в сновидении, только со странной черной птицей на плече.

Россия. Московская обл. г Мытищи. 29 января 2003 г. 10:58
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

– А дальше? – спросил Самохвалов.

– Да не стоит, – отмахнулся Сергей, – какой смысл?

– Душу облегчить, приоритеты расставить, понять, что именно произошло и почему?

– Да понял я, что произошло, – проворчал Мотыль, – много чего понял, благо времени навалом было. А вот сделать ничего толком не мог. Да и многое рассказывать, – он многозначительно кивнул на Ерохина, – при будущем начальстве не хочется, – и деланно рассмеялся.

– Понял, – кивнул головой полковник, развернулся к сейфу и принялся выгребать содержимое прямо на письменный стол: пару бутылок коньяка, початую бутылку вискаря, лимон, шоколад, колбасу. Нашлись в неисчерпаемых недрах сейфа советского производства и три граненых стакана. Самохвалов быстро налил по полстакана виски. Складным ножом грубо покромсал дорогую колбасу. Хлеба в сейфе не оказалось, но это никого не смутило. Полковник поднял стакан:

– За твою свободу! – чокнулись и выпили по первой. Самохвалов без паузы налил по второй.

– Давай, Сереж, пей, закусывай и продолжай рассказ уже без остановок. Чтобы я из тебя щипцами по одному слову не тянул. Ты, самое главное, рассказывай. Ерохин теперь посвященный, так что давай все без утайки. И ты, Ерохин, не кочевряжься. Хватай стакан!

Еще по дороге начал шнырь ко мне подкатывать, и так и эдак крутится, все заговаривать пытается. Умничает, какие-то идиотские вопросы задает. Кто я по жизни? Как отношусь к уголовному миру и его законам? На какой стул сесть предпочту? Я даже разбираться не стал. Послал его сразу в Перу, всерьез и надолго. Он, было, сперва вякать попробовал, но как по щам разок выхватил, так сразу и заткнулся.

Привезли нас в зону, ну а там другой мир совсем. Другая вселенная, со своими собственными законами. Мне-то не привыкать, ты же знаешь, Петрович, всякого повидал. Два месяца в плену наложили свой отпечаток. Сразу смекнул, нужно держаться немного особнячком. Можно даже и под психа косить. Альянсы создавать, интриги плести – не мое это, пошло и противно. На воровские законы я плевать хотел. Презираю! А всех этих фраеров, блатных и приблатненных насквозь вижу. Шушера, в основном, гнилье, мразь, подонки. Потому там и находятся. И там им самое место.

А главное, Петрович, зверье верховодит и беспределит. Я после афгана мнительный стал, а тут вижу, что русские сами по себе, а все черные в кучу сбились. Армяне, азеры, чечены, кабарда, да все без разбору в одной стае. Межнациональные распри мгновенно забыли и объединились против славян. Обидно, но что поделаешь, если у наших менталитет такой.

Так что, я свое положение сразу определил: петушню гнал долой, от блатных сторонился, но и с мужиками особо корешиться не стал. Знал же, что долго не продержусь, а подставлять никого не хотелось. Уже тогда понял, что жить мне придется ярко, но, увы, недолго...

В общем, Петрович, прошло пару месяцев, я привыкать начал потихоньку, и ко мне люди присмотрелись. То закурить попросят, то подойдут перекинуться словечком. Одним словом,

начал я втягиваться в лагерную житуху и приспособливаться понемногу. Но статья у меня такая, сам понимаешь, никаких надежд и иллюзий.

Однажды подходит пообщаться кто-то из серьезных, не авторитет конечно, но и не из холуев. Мужик, одним словом. Подошел, закурить предложил, завел базар о жизни. Я сразу напрягся, не люблю подобные разговоры, плохо заканчиваются. Долго юлить и наводить тень на плетень не стал, почти сразу предложил пойти в «гладиаторы» к одному из авторитетов, как раз вакансия образовалась.

– Ты, Серега, – говорит, – мужик не тупой и сам понимаешь, где находимся. Десятка – срок большой, если вести себя правильно станешь, послабление режима гарантируем, ништяки из общака, и все такое.

А я ему, со всей возможной учтивостью, объясняю, что мол, никогда ни под кем не ходил, и ходить не собираюсь. В общих чертах пояснил, кто я такой. Так что, звиняй, говорю, добрый человек, спасибо за предложение, но мое дело сторона. Не по пути нам с тобой, так и передай своим. У вас своя свадьба, а у меня своя.

Серьезный обиделся, – что же, – говорит, – ты сам свою судьбу определил. Будешь жить в изоляции на правах неприкасаемого. Ты этого хочешь?

А я ему отвечаю, – все верно, мил человек. Я сам по себе, а вы сами по себе.

Обиделся он еще пуще, и говорит – коли так, живи один. И бог тебе судья!

Так и окрестили меня – Волком...

А мне понравилось! Зверь гордый, свободный и одинокий, как раз про меня.

Оставили в покое месяца на три – четыре, а потом появился у нас новенький – Николая. Молодой парнишка, лет девятнадцать – двадцать, не больше, из неблагополучной семьи. Мать пьет, отец потерялся, сеструха малая совсем. Пацанчик глупенький, связался с дворовой компанией, начал автомагнитолы тырить, хотел денег заработать, семье помочь. Да только быстро попался.

Дружки несовершеннолетние откупились – родители адвокатов наняли. На старшака все повесили. И влетел Николая на три года колонии строго режима. Как так, почему? Не спрашивайте. Начало девяностых, бардак и неразбериха. Видимо все накопившиеся висяки у следаков на кого-то нужно было повесить, парнишка бумаги подмахнул не глядя, вот и нашли козла отпущения – поехал пацан в Хабаровск.

И все бы ничего, да был Николая очень красив. Извини, Петрович, описать не смогу. Высокий, худой, тонкокостный. Черты лица правильные, нос прямой, изящные брови, одним словом девчонки таких любят...

Едва в зону попал, на него Мамука глаз положил. Был у нас там толстый такой грузин, упокой господь его душу, большой охотник до курятины. И вроде никаких прегрешений за парнишкой нет, а уже всем ясно стало, что в девочки его постепенно определяют. За смазливую внешность, по беспределу опустить хотят, и только предлог нужен. А это очень быстро делается.

Вот что прикажешь делать, Петрович? Молчал я, молчал, потом не выдержал. Подхожу сзади к Мамуке, хватаю его так аккуратненько за бычью шею и на ушко втолковываю:

– Если ты, мразь, Николая хотя бы пальцем тронешь, я тебе твой короткий и толстый член оторву и сожрать заставлю.

Мамука от таких слов офигел не по-детски, и отвечает:

– Ты что, совсем бессмертный? Ты, – говорит, – что берега попутал? Ты сам понял, на кого руку поднял, козел?

Козел на зоне самое страшное оскорбление. Мне бы обидеться, да начать сатисфакцию требовать, а я ему свое втираю:

– Пацана, – говорю, – не трожь, пожалеешь, мудила!

Тут он видимо что-то скабрезное подумал, и вдруг ржать начал.

– Вах, – говорит, – так вот оно что! Ты красавчика для себя приготовил? Понравился? Ну, так бы и сказал сразу, э. Что мы, взрослые люди, не понимаем, что ли? Что мы молодого петушка не поделим? Зачем ругаешься? Зачем угрожаешь? Нехорошо это!

Вижу, не туда толстяк клонит. Ну, я шейку ему еще сильнее сдавил, так, что в ней что-то хрустнуло. Сунул кулаком под ребра разок-другой – Мамука на колени упал. Хрипит, вздохнуть не может.

– Ну что, – говорю, – толстячок. Опустить тебя прямо здесь, при дружках твоих?

Мамука хрипит, головой крутит, слезу выдавил. А дружки во все глаза шоу смотрят, окружили нас со всех сторон, но почему-то не подходят. Видимо ссут.

– Вали, – говорю, – в свой барак, а Николая чтобы за версту обходил. Не то не поздоровится.

После такого Мамука к своим землякам убежал, жаловаться. А я почему-то успокоился, неизвестность, она хуже всего. А теперь-то что, теперь все ясно – вечером всем кагалом на разборки придут, меня убивать. Не впервой же.

Так и произошло. Я уже задремать успел, а тут идут всей толпой, шумят как слоны в джунглях, матерятся. Проснулся я, наволочку с подушки сорвал и за один край держу.

Эх, Петрович, хотели бы убить, молчком заточку в печень ткнули бы, и все. А тут хотят демонстративно покарать, чтобы, значит, другим неповадно было. А мне что терять? Я наволочкой одному по глазам шваркнул. И пока тот слезы пускал и выл от боли, я его кулаком в висок, и аккуратненько уложил на пол. И понеслась вода в хату...

Наволку я на левую руку намотать успел, какая-никакая, а все же защита. Тяжко мне пришлось, Петрович. Среди черножопых много хороших бойцов, их с детства приучают боль терпеть.

И опять мне кровавая пелена на глаза упала. Понял я, что переоценил свои силы, слишком много противников. А коли смерть пришла, то и черт с ним. Пушай забирает! Значит, судьба у меня такая. Терять уже нечего, только и я с собой кое-кого прихвачу...

И превратился я, Петрович, в берсерка. Тут уже не драка, тут кровавое месиво началось. Руки, ноги, зубы. В конце концов, зажали в угол, никого достать не могу, но и большую часть ударов блокирую, тело чье-то под ногами болтается, мешает. Чую силы заканчиваются, дышать нечем совсем, кровь глаза заливают. Левую руку мне, кстати, в трех местах сломали, не помогла наволочка. И вдруг слышу, кто-то вопит:

– Волк это, а не человек!

Я на звук повернулся и зарычал, ей богу, Петрович, не знаю, почему. Разум совсем помутился от боли. И мысленно себе представил, что я действительно зверь, щелкнул зубами и к прыжку приготовился. Руки-то ведь уже почти не слушались. Что было потом, ничего не помню...

Но он соврал. Нет, память не подвела, все что произошло, он помнил превосходно. Но мозг отказывался верить в реальность происходящего. Мотыль на секунду закрыл глаза...

Россия. Хабаровск. 13 июня 1993 г. 23:17

ФКУ «Исправительная колония № 3 УФСИН». Барак № 6.

Мотыль пошатнулся, ухватился правой рукой за шконку, с трудом удержался на ногах. Сплюнул кровь прямо под ноги, хотя по тюремным правилам это запрещалось.

Да насрать на все правила, отступать дальше некуда, позади стена. Черт, дышалка совсем ни к черту, нужно бросать курить, если жив останусь. Но это вряд ли...

Сергей поднял взгляд на окруживших зеков. Они тоже выглядели весьма потрепанными, а у Мамуки под глазом явственно наливался багровый кровоподтек. Роба порвана, дышит как

загнанная лошадь после скачек, такие нагрузки, да с лишним весом. Вне поля зрения кто-то грязно выругался, в ответ Мотыль злорадно ухмыльнулся.

Запомнят меня тут надолго. Штурмовик боевой дрим-группы, это вам не мелочь по карманам тырить. Эх, жаль оборотиться нельзя, я бы вам сейчас показал, где раки зимуют. Но и так неплохо покувыркались.

Мамука, набычившись, смотрел не моргая.

– Ну што, сука, допрыгался волчара позорный? – тяжело хватая воздух одними губами просипел практически без акцента, – сейчас я тебя на куски резать буду. Ты у меня пожалеешь, что на свет родился.

Мотыль усмехнулся в ответ. Давай, мол, попробуй, рискни собственной шкурой. Я ведь просто так не сдамся.

Мамука яростно сжимал в руке заточку. Есть шанс перехватить и воткнуть в его мерзкую рожу. Сергей тоже аккуратно сжал и разжал кулак правой руки, готовился к развязке и проверял рефлексы. Рука слушалась, но плохо, а левая совсем повисла плетью вдоль тела. Плохо дело, боль пока терпеть можно, адреналин в крови бушует, но это ненадолго. Он пару раз глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду.

– Взять, – коротко рявкнул Мамука.

Пошла потеха, – шестерки бросились вперед, Мамука остался стоять на месте, он никуда не торопился, предвкушая скорую расправу. Первую волну Сергей отбил легко. Правому врезал по голени, тот споткнулся, на лету врезался головой в нижнюю шконку, и свалившись под ноги затих. Мотыль даже не успел разглядеть, кто это был? Кажется Рамиль. Да какая разница? Черт с ним, пускай полежит пока. Так, блокировать удар слева правой рукой неудобно, придется встретить с пол-оборота.

Пришлось несладко, опять пошатнулся, хоть и с трудом, но устоял. Сердце впрыснуло остаток адреналина. Врезал коленом в живот, потом кулаком по затылку. Пропустил следующий удар в корпус – подскочили армяне, братья Арычан, мелкие, но удивительно шустрые близнецы. Пока один наносил серию слабых даже не ударов, а скорее тычков, второй подкрался сзади. Черта с два, я все вижу! Ударил ногой назад, не попал, опять пошатнулся и пропустил сильный удар Закаридзе. Здоровый, сука, на две головы выше меня. Нужно его срочно нейтрализовать.

Снова ударил ногой, теперь вперед, для равновесия ухватился за шконку. Встретил град ударов братьев армян, устоял. Еще один удар от Закаридзе, ну хотя бы этот смог блокировать. Резко обвил руку и поймал в захват грузина. Эх, жаль левая не пашет, ударить то и нечем. Ткнул в морду здоровяку лбом, удачно попал в переносицу. Противник горланно завопил, отскочил в сторону, зажимая окровавленное лицо руками. Хорошо, несколько секунд передышки. А тут и один из братьев подставился, выхватил коленом в пах, согнулся пополам и замер, хватая воздух ртом. Получи дружок добавку! Кто следующий? Желающих не нашлось, снова расступились.

Мотыль выпрямился и засмеялся, из горла вырвался кашляющий хриплый звук отдаленно похожий на клекот раненного коршуна. Кровь из разбитой брови заливала глаза. Ни черта не вижу!

– Кому стоим, чего ждем? – хрипло выкрикнул он, – я вас тут всех положу, уроды.

Мамука побагровел, на лбу отчетливо запульсировала сиреневая жилка. Как бы апоплексический удар толстяка не хватил. Нет, сучонок, ты так просто не сдохнешь, я тебя сам, лично задую.

– Взять, – рявкнул мамука, – чего стоите? Взять, я сказал!

На этот раз в атаку пошли дружнее. Это плохо, почти сразу пропустил сильный удар Закаридзе, блокировать не смог, хотя пытался. Сломанный нос довел его до бешенства, грузин неистовствовал, раскусил мою тактику, дошло, что вторая рука не действует. Подряд несколько очень сильных ударов, но уже слабеет здоровяк, выдыхается. Братья-армяне разом прыгнули,

вцепились и повисли вдвоем на единственной здоровой руке. Ударил ногой, не глядя. Попал! Вопль и сдавленные матюги. Кто-то еще схватился руками за сапог, безуспешно, впрочем. Попробовал стряхнуть с себя приспешников Мамуки, но сил уже почти не осталось. Пропустил еще один сильный удар в лицо. Зашатался, повело вправо, на секунду закрыл глаза, собираясь с силами. Только где их взять? Давно пуста коробочка...

И вдруг что-то темно-синее заструилось перед глазами, заискрило, наливаясь перламутром. Поплыло, съежилось, преобразилось и распалось на мелкие извивающиеся струи. Замелькали знакомые лица, словно кадры в кино, мощный ровный гул заложил уши.

Бог ты мой, – изумился Мотыль, – так ведь это «сонные веретена». Уснул я что ли? Он открыл глаза и отчетливо, словно в замедленной съемке увидел барак, ряды шконок, озверевших зеков вокруг.

Да нет, не сплю. Тогда что происходит? Он снова закрыл глаза, веретена никуда не исчезли, все так же продолжали свои причудливые метаморфозы. Холодная и четкая ясность сознания, как после длительной медитации. Что со мной происходит? Уж не копыта ли отбросить собрался? Может быть... тогда можно немного оторваться напоследок. Нужно торопиться, пока не вырубился.

Мотыль начал трансформироваться. Мышцы привычно налились силой, вздулись и увеличились до неприличных размеров. Лопнула и разошлась по шву руба, ставшая слишком маленькой для мощного торса и огромных конечностей. Мотыль едва заметно дернул плечом, и остатки одежды посыпались на пол. Кожа покрылась длинной и густой шерстью серого цвета. Затрещал, разезжаясь, череп. Челюсть сильно выдалась вперед, вылезли чудовищного вида клыки. Десятисантиметровые когти прорвали кожу на пальцах, ставших короткими и толстыми. Когда истинная суть освобождается, вместе с болью, накрывает волна невыносимого наслаждения. Мотыль поднял морду кверху и неистово взвыл, от счастья и переполнявшего восторга.

Резко улучшилось зрение и нюх, теперь он не только видел и слышал, но и ощущал запах пота и животный страх сгрудившихся зеков. Все они были недалекими, жалкими, трусливыми неудачниками. Выпрямился во весь рост и посмотрел сверху вниз, теперь он четко различал их силуэты в ночном сумраке барака – волчье зрение намного лучше человеческого. Мотнул головой, стряхивая кровь, слизь и остатки никчемной человеческой плоти. Трансформация завершилась. Перед опешившими от неожиданности зеками во весь свой немалый рост стоял боевой оборотень.

– Ну что, суки, не ждали? – засмеялся он, но из горла вырвался только глухой звериный рык. Страшный оскал искажил жуткую морду зверя. Шарахнулись в сторону недобитые поделники Мамуки.

– Я – Волк, – сказал Оборотень и шагнул вперед, острые когти царапнули бетон. Со стороны, конечно, это был всего лишь глухой и невнятный рык, но зеки прекрасно поняли смысл и без слов, в этом не было никакого сомнения. Ужас и оторопь в зрачках, побелевшие лица, острый запах кислятины и гробовая тишина вокруг.

Он прыгнул вперед, ухватил Мамуку острыми когтями, вцепился в горло, ощутив одуряющий аромат человеческой плоти. Сжал мощные челюсти, вырвал и с наслаждением проглотил что-то мягкое и вкусное. Живительное тепло обожгло пищевод, в ноздри ударил пьянящий запах свежей крови. Мамука был еще жив, пыжился что-то прохрипеть, прижимая ладони к жуткой ране и разбрызгивая во все стороны багровые капли. Ударом мощной лапы, Оборотень отшвырнул толстяка с дороги, шагнул вперед, вглядываясь в искаженные страхом лица. Охотничий азарт захлестнул его целиком, голод, жажда крови, и полное безразличие к судьбам жертв.

Из тех, кто видел боевую трансформацию, никто не должен остаться в живых!

Оборотень прыгнул в толпу, принялся рвать и кромсать несчастных, почти не встречая сопротивления. Люди были слишком поражены увиденным и растеряли остатки воинственности. Их разум и волю парализовал самый древний и самый мощный инстинкт – страх.

И тогда началась паника, пытаясь обратиться в бегство, люди столкнулись со стоящими позади и обрушились на них со всей возможной яростью, кулаками и зубами пробивая дорогу к свободе. Обезумевшие, полностью потерявшие человеческую суть, бежали, объятые суевренным ужасом и отчаянным желанием выбраться из этой передраги живыми. Всего через несколько секунд барак превратился в кровавое ристалище...

Россия. Московская обл. г Мытищи. 29 января 2003 г. 11:14
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

Мотыль помотал головой, отгоняя жуткие воспоминания, открыл глаза.

Стоит все это рассказывать? Было это на самом деле, или привиделось в бреду угасающего сознания? Он не знал, поэтому решил опустить подробности.

– Пришел в себя в карцере, – продолжил он рассказ, – на руке гипс, голова перебинтована, челюсть болит, зубы шатаются. Полгода на допросы таскали. Не поверили следователи, что я один против толпы бился. Требовали сдать членов группировки. Смешно, ей богу! Какая у меня, неприкасаемого, может быть группировка? Официально объявили происшествие тюремным бунтом. Многим сроки продлили. Если бы всех жмуров на меня повесили, пожизненное корячилося бы. Но нет, просто пятеру докинули, и обратно в барак.

А там уголовная власть сменилась. Чурок почти всех в другой лагерь переместили. После мне уже рассказали, чем все тогда закончилось. Десяток трупов, полсотни с травмами в лазарет. А двое крышей поехали, клялись на допросах, что видели, как я в волка превратился.

Что еще рассказать, Петрович? Через неделю после того, как меня из одиночки обратно в лагерь перевели, вызвали к Князю, это местный авторитет, который над всем лагерем смотрящий. Отказаться от переговоров нельзя было, за это нашинкуют, будь ты хоть волком, хоть медведем.

Я пошел. Терять-то уже все равно нечего. Захожу к нему в каморку, вижу такую картину: диван мягкий, столик журнальный, кальян, вискарик, на стене ковер ручной работы. Все как в лучших домах Ландона и Парижу.

Я зубы сжал, молчу. А сам Князь оказался маленьким, сухоньким, беззубым стариком лет шестидесяти. Сидит на диванчике по пояс голый, купола свои напоказ выставил. Весь в татуировках, с ног до головы синий. В руке сигаретка, руки слегка подрагивают. Холуев прогнал, чтобы с глазу на глаз потрепаться. Это он так свою смелость мне демонстрировал.

– Что, – говорит, – волчара, наделал ты делов?

Ну, я головой кивнул согласно. А чего возражать, если прав старикан, действительно пыли много поднял.

– Мы парнишку твоего под защиту взяли, – сказал Князь, – черные надоели всем. Ты простым ворами доброе дело сделал. Можно сказать, помог. Самых отъявленных уложил. Остальных менты убрали, от греха подальше. Дышать легче стало. А мы добро помним. Может нужно чего?

Я отрицательно покачал головой.

– Одного не могу в толк взять, – чешет репу Князь, – что ты такое, Волк? Как ты превратился в чудовище?

Ну и не сдержался я, Петрович, рассказал ему тогда все. И про Афган, и про плен. И про то, как меня наши отбили, полуживого, с гнойными язвами и безумным взглядом загнанного зверя. И про то рассказал, как после госпиталя вышвырнули меня из рядов с лишением воин-

ского звания и всех привилегий. Про поездку на заработки в первопрестольную рассказал. Как на дороге корячился, глотая раскаленный асфальт. Все рассказал, только про отряд наш умолчал. Ни к чему зэку лишняя информация...

А когда выговорился, опустил голову, сижу и жду окончательного приговора. И почему-то мне все равно, что дальше будет.

А Князь репу почесал и говорит:

– Тяжелая у тебя была судьба. Иди, Волк. Иди с Богом!

И стало все как раньше. Я сам по себе, а лагерная жизнь сама по себе.

Глава 5

Россия. Московская обл. г Подольск. 31 января 2003 г. 11:24
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

В архиве стоял затхлый запах, пахло старой бумагой, плесенью и мышами. Полковник Самохвалов и капитан Ерохин медленно шагали вдоль бесконечного ряда совершенно одинаковых стеллажей, выкрашенных серой краской.

– Где-то здесь было, – вполголоса бормотал полковник, – ага, вот оно.

Он остановился, поковырялся в куче папок и вытащил одну на свет. Папка ничем не отличалась от остальных, обычная, казенного вида, с пожелтевшими от времени страницами, выглядывающими с краю. В верхнем правом углу обложки красовался штамп «совершенно секретно».

– Держи, капитан, – сказал Самохвалов, протягивая папку Ерохину, – выносить из архива категорически запрещено. Копии делать тоже. Для ознакомления у тебя есть два дня. Прочитать и запомнить. Потом положить обратно, на то же самое место. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – быстро ответил Ерохин. Взвесил папку в руке.

Полковник совсем сдвинулся на старости лет, — подумал он, – мне же тут ночевать придется.

Однако вслух ничего не сказал.

Россия. Московская обл. г Химки.
5 февраля. 2003 г. 19:32

Мама вздрогнула, услышав смех Лены, доносившийся из подъезда. Она так давно не слышала, как смеется дочь. Собралась. Вытерла предательскую слезу фартуком. Отомкнула входную дверь с облезлой обивкой. На пороге стояла сияющая дочь.

– Знакомься мама, его зовут Рекс.

С глубокомысленным видом понюхав запахи квартиры, порог осторожно переступил огромный черный лабрадор. Умные карие глаза по хозяйски осмотрели прихожую, мебель, двери.

– О, господи! – только и смогла произнести мама. У нее подкосились ноги.

– Теперь он будет жить с нами.

– Леночка, но как? Ведь в обществе слепых очередь на два года вперед.

Лена беззаботно пожала плечами:

– Я не знаю, мама, Петр Яковлевич договорился.

– И обучаться уходу за собакой ты должна была целых две недели. А тебе вот так, сразу после второго занятия собаку домой отдали?

Лена опять пожала плечами:

– Мама, Рекс очень умный. Мы с ним просто рождены друг для друга!

– А это ничего, что он без намордника? Не укусит?

– Ну что ты мам, это же собака-поводырь! Она приучена подавать упавшие предметы. Им даже в общественном транспорте можно ездить без намордника. Мне Петр Яковлевич рассказывал. А укусить она может, только если нападут на хозяина. То есть, на меня.

Леночка снова громко рассмеялась. Мама вздохнула и украдкой бросила задумчивый взгляд на нее. Петр Яковлевич, Петр Яковлевич, Петр Яковлевич. Уж не влюбилась ли дочка?

– А еще, – продолжала тараторить Лена, – Петр Яковлевич договорился, чтобы меня посмотрели в военном госпитале. У них самые лучшие в мире специалисты по контузиям. Он сказал, что если там не смогут меня вылечить, то уже нигде не смогут. Даже в Израиле таких классных хирургов нет!

– Но это же для военных, – попыталась возразить мама.

– А меня на работу берут! – беззаботно сказала Лена, – в военное ведомство. В какой-то закрытый «ящик» в Мытищах. Машинисткой слепой печати. Я буду работать шрифтом Брайля.

– Но ты же не умеешь печатать?

– Научусь, – беззаботно ответила Лена.

– Ничего не понимаю, – запротестовала мать, устало опускаясь на кухонную табуретку, – а как же ты будешь на работу ездить? Это же далеко.

– Зачем? – искренне удивилась Лена, – при «ящике» есть военный городок. Мне дадут ведомственную квартиру. Петр Яковлевич договорился.

– А кто за тобой ухаживать будет? – изумилась мама.

– Я сама за собой буду ухаживать, – ответила Лена, закусив нижнюю губу, – мне нужно привыкать быть самостоятельной. Нужно жить дальше. Ничего, я привыкну. Я справлюсь, мам.

У женщины опять потекли слезы, именно так закусывала губку Леночка в детстве, когда упрячилась. Спорить бесполезно. Но как она сможет отпустить слепую дочку одну?

– Как же ты там? Одна? Вокруг мужики.

– Я больше не одна, мама. Со мной Рекс и Петр Яковлевич.

Россия. Московская обл. г Мытищи. 5 февраля. 2003 г. 20:05

Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

Самохвалов захлопнул объемистую папку, медленно и громко выдохнул и поднял взгляд на Ерохина, строгое лицо полковника слегка порозовело, мышцы расслабились.

– Вот теперь, – сказал Самохвалов, – я могу ответить на все твои вопросы, Петр. Задавай! Ерохин задумчиво теребил в руках авторучку.

– Я ничего не понимаю, товарищ полковник, – выговорил он, – что мы делаем и зачем?

– Мы экстренно формируем боевую группу специального назначения «Феникс-3», – ответил Самохвалов и откинулся в кресле, – может коньячку?

Ерохин покачал головой.

– А я себе плесну, – сказал полковник и потянулся к сейфу, где стояла бутылка с дорогим импортным напитком, – мне можно. Я на пенсии.

– Почему Феникс? – спросил Ерохин, – и почему «три»?

– Вот потому и Феникс, что это уже третья попытка возрождения, – ответил Самохвалов, с вождением распечатывая коньяк.

– Каково назначение группы Феникс?

– Противостояние потенциальному противнику в глубинах сна, защита первых лиц государства, создание дополнительного эшелона обороны в случае вероломного вторжения противника на территорию страны.

– Я не пойму, причем тут вообще сновидения? Может быть, это я сейчас сплю, и мне снится какой-то несвязный бред?

Самохвалов засмеялся и покачал коньяк в бокале, затем поднял на уровень лица и посмотрел сквозь напиток на лампочку. Одобрительно хмыкнул и сказал:

– Нет, капитан, ты не спишь, и это не сон. Все взаправду. Ты внимательно ознакомился с архивными материалами?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил Ерохин, – но если честно, это же полный бред! Разве такое возможно? Оборотни, големы, дубли какие-то, наведенные галлюцинации. Звучит настолько фантастично и неправдоподобно, что я не смог воспринять всерьез.

– А придется.

Ерохин покачал головой из стороны в сторону.

– Подождите, Василий Петрович, вы хотите сказать, что все написанное, правда?

– Именно это я тебе и сказал, – ухмыльнулся полковник, – или у тебя есть какие-то сомнения в моей адекватности? Нет, Ерохин, я хоть и пенсионер, но еще не выжил из ума. Именно я собрал «Феникс-2» в семьдесят пятом году и командовал группой до девяносто первого. Так что я точно знаю, о чем говорю. И еще я очень хорошо представляю, на что способны штурмовики боевой группы.

– Но ведь они зеленые совсем. Они же ничего не умеют.

– А это не важно, научим.

– Но состав? – ужаснулся Ерохин, – несовершеннолетний пацан, помешанный на компьютерных играх, слепая художница, инвалид-колясочник, зэк-убийца и шизофреник из психушки. Кунсткамера. Паноптикум какой-то!

– Это еще не все. Скоро приедет старик-шаман, можешь сразу добавить его в свою коллекцию гиков.

Капитан хмыкнул, но ничего не сказал.

– Якут категорически отказался лететь на самолете. Какие-то комплексы, связанные с небом. Так что сейчас он медленно и нудно тарыхтит по железке. Шести человек пока вполне достаточно. Позже обучим нескольких контрактников для замены основного состава.

Ерохин снова промолчал, продолжая вертеть в руках авторучку.

– У нас времени очень мало, если начнем работать с контрактниками, то обучение затянется на долгие месяцы, если не на годы. Боюсь, у нас нет столько времени, – Самохвалов наконец-то сделал глоток коньяка, одобрительно крякнул и продолжил монолог, – я очень долго выбирал, перерыл медицинские карточки двух десятков больниц, отобрал самых перспективных. Но если не повезет, то заменим, у меня еще очень большой список кандидатур, подходящих по параметрам.

– Вы можете хотя бы объяснить, почему выбор пал именно на этих людей? Что в них особенного?

– Долго объяснять. Сема всегда говорил так – главное, нереализованный потенциал. У каждого человека есть предназначение, но многие не могут самореализоваться из-за увечья. Потенциал ищет выход и находит в чем-то ином, например, в необычных способностях в мире сновидений. В принципе, обучить можно любого, но это долго и трудно, мешает барьер страха заставляющий проснуться. У людей с ограниченными способностями такого ограничения нет. Воля сильнее разума. Остальное – практика. Не смогут – научим. Не захотят – заставим. В крайнем случае – заменим.

– Как-то у вас все очень просто и оптимистично звучит, товарищ полковник.

– А вы, капитан, все чересчур усложняете. Смотрите на мир проще, и у вас появятся дети.

– Они же почти все гражданские. Как мы будем ими управлять? Как можно отдавать приказы слепой девушке, подростку, дебилу, калеке?

– Дисциплина – это ваша прерогатива, капитан – но я не думаю, что у нас с этим возникнут проблемы. Наши проблемы вот здесь.

Он ткнул пальцем в одну из папок с документами.

– Что это? – спросил Ерохин.

– Ознакомьтесь, Петр Яковлевич, – Самохвалов протянул капитану несколько картонных папок, – это о-о-очень интересная информация. К сожалению, я даже не знаю, наш ли это случай? Но моя интуиция меня очень редко подводит.

Ерохин открыл первую попавшуюся папку и начал быстро читать верхний лист.

Список погибших генералов РФ в период 1991 – 2002.
Совершенно секретно.

Генерал—полковник Гусев Юрий Александрович. Погиб в автокатастрофе 30 ноября 1992 года в Москве.

Начальник отдела военной контрразведки Тихоокеанского флота контр—адмирал Егоркин Николай Васильевич. Погиб в автокатастрофе 15 февраля 1993 года, по пути в аэропорт под Владивостоком.

Генерал армии Баранников Виктор Павлович. Умер 21 июля 1995 года на собственной даче от инсульта.

Один из руководителей ГРУ Генштаба ВС РФ генерал—майор Ломанов. Погиб 22 мая 1996 года в результате наезда пьяного сотрудника милиции.

Генерал—майор бронетанковых войск Анатолий Волков. 18 июня 1996 г. покончил с собой из наградного пистолета.

Генерал—майор ГРУ ГШ РФ Шипилов. 5 мая 1997 года покончил с собой, выбросившись из окна собственной квартиры.

Генерал—лейтенант Рохлин Лев Яковлевич. 3 июля 1998 года найден мертвым на собственной даче. В убийстве генерала обвинили жену.

Заместитель начальника ГУБОП МВД РФ генерал—майор Батурин Борис Никодимович. Погиб в автокатастрофе 7 июля 1998 года

Начальник управления ГРУ генерал—майор Шалаев. Погиб в автокатастрофе 7 августа 1999 года в Ступинском районе Подмосковья.

Адмирал Угрюмов Герман Алексеевич. Умер 31 мая 2001 года в посёлке Ханкала (Чечня) от сердечного приступа.

Генерал—лейтенант Лебедь Александр Иванович. Погиб 28 апреля 2002 года при катастрофе вертолета МИ—8 в Красноярском крае.

Генерал—майор Герцев Валерий. Погиб 11 сентября 2002 года в автокатастрофе на 45—м километре Киевского шоссе.

Генерал—майор Федеральной погранслужбы Платошин Владимир. Убит 1 сентября 2002 года случайной попутчицей из собственного пистолета.

Генерал армии Ивашутин Пётр Иванович. Умер 4 июня 2002 года. Причина не установлена.

Генерал—майор Шевелев Виталий. Найден сгоревшим в своем собственном автомобиле в Раменском районе Подмосковья 19 сентября 2002 года.

Генерал—майор Колесник Василий Васильевич. Умер 30 октября 2002 года. Причина не установлена.

Генерал—лейтенант Шатохин. Погиб в автокатастрофе 5 ноября 2002 года.

Генерал—лейтенант Шифрин Игорь Леонидович. Погиб 15 ноября 2002 года попав под обстрел в Грозном.

Генерал армии Максимов Юрий Павлович. Умер 17 ноября 2002 года. Причина смерти не установлена.

Ерохин отложил прочитанный лист в сторону, и внимательно посмотрел на Самохвалова.
– Ну, что скажешь? – напрягся полковник.

– Не знаю, – пожал плечами Ерохин, – я же не следователь. Время было такое, заказные убийства, разгул преступности. Беспредел!

– Чушь! – Самохвалов отставил в сторону коньяк, встал и, заложив руки за спину, принялся расхаживать по комнате.

– По крайней мере, – наконец сказал он, – половина случаев выглядит крайне подозрительно. А если рассматривать с позиции, кто именно умер, и кого посадили на его место? Тогда становится ясно, что потери просто невозможны! Кто-то целенаправленно и методично уничтожает высшее военное руководство. Уничтожает профессионалов, с боевым опытом и заслугами, тем самым подрывая обороноспособность нашей страны. Понимаешь, Ерохин или нет? И это только одна страница!

Он подошел к столу, за которым сидел капитан, схватил папку и сунул ее Ерохину.

– А у меня здесь несколько папок этого дерьма! Руководители регионов, бизнесмены, политики, банкиры. Это передел собственности, Ерохин. Тут пятидесяти лет будет мало, чтобы разобраться, кто, кого и за что убил?

– Василий Петрович, мы-то тут причем?

– А притом, Ерохин, – полковник снова сел в кресло и взял бокал с коньяком. Руки заметно подрагивали.

– А притом, Ерохин, – повторил он, – у нас нет гарантий, что это дело рук местных бандитов. И мы обязаны перестраховаться на случай возможного, – он поднял бокал, салютуя Ерохину, – вмешательства иностранных разведок. Необъяснимые случаи – это как раз по нашей части. Нам поручено защищать страну, ее граждан, и нашего гаранта конституции. И мы будем их защищать! Будем обеспечивать спокойный сон наших граждан.

Как? – хотел спросить капитан, но вовремя прикусил язык.

Россия. Московская обл. г. Электросталь. 6 февраля. 2003 г. 11:47
Психиатрическая больница.

– Яна, – представился он, и вдруг заканючил гнусавым голосом, – хочу шоколадку.

Ерохин хмыкнул, расписался в документах. На секунду замялся, но потом решительно протянул руку.

– Пошли со мной.

– Куда? – противным гнусавым голосом запротестовала Яна.

– Узнаешь, – пообещал Ерохин.

Они вышли из больничного корпуса и бодро зашагали по асфальтированной дорожке. Мимо два опухших санитаров толкали каталку, накрытую белой больничной простыней. Под простыней явно лежало тело. Ерохин отвернулся и встретился взглядом с Яной. Что-то неуловимо изменилось в зрачках шизофреника.

– Ты кто? – вдруг сипло спросил тот, вырывая руку.

– Меня зовут Петр Яковлевич, – повторно представился Ерохин.

– И чего тебе от меня надо?

– Вы сейчас проследуете со мной.

– И куда я проследую?

– В военный госпиталь, – не стал лукавить капитан.

Больной успокоился и замолчал, озадаченно оглядываясь вокруг. Внимательно посмотрел вслед санитарам.

– Еще одного жмура покатили, – сказал он, откашливаясь, – второй за сегодня. Чего онидохнут?

Ерохин пожал плечами:

- Разные могут быть причины. У кого-то давление. У кого-то рак.
- Дурак, – в рифму сказала Яна.

Ерохин вздрогнул и обернулся. Столь быстрое перевоплощение его реально напугало. Как прикажете общаться с человеком, если он меняет личину каждые две – три минуты.

- Ты еще помнишь, кто я? – безо всякой надежды спросил он.
- Мужик, который обещал мне шоколадку.

– Вообще-то я тебе ничего не обещал, – Ерохин хотел добавить слово «девочка» и не смог. Перед ним стояла вовсе не девочка.

- Нет, обещал, – топнула ножкой Яна.
- Нет, не обещал, – парировал Ерохин, – это ты просила, а я ничего не ответил.
- Молчание – знак согласия.

Ерохин хмыкнул. Собственно говоря, почему бы и нет. Как раз проходили мимо киоска, где полно всякой ерунды. Капитан достал кошелек, отсчитал мелочь, взял протянутый сникерс. Сунул Яне.

- Держи, попрошайка. Свалилась на мою голову.
- Та быстро выхватила сладость и принялась лихорадочно срывать обертку.

– Что нужно сказать дяде?

– Что он педофил, – гоготнул проходящий мимо санитар, один из тех двоих, что совсем недавно катили жмурика.

– Спасибо! – жеманничая, ответила Яна.

– Ну, вот и ладно, вроде бы договорились, – подытожил Ерохин и злобно стрельнул взглядом в сторону санитара.

– И о чем мы договорились? – спросила Яна.

– Что ты по-е-дешь со мно-ой, – раздельно произнес Ерохин, делая нажим на каждом слого.

– И за-чем? – в тон ему продолжала допрос Яна.

– Мы по-е-дем к дя-де док-то-ру, в во-енный го-спи-таль, – чуть ли не по слогам пояснил Ерохин.

– У тебя головка бо-бо? – обычным голосом спросила Яна.

– Нет, с чего ты взяла? – удивился Ерохин, тоже перестав кривляться.

– А почему тогда ты со мной сюсюкаешь?

– Я? – в свою очередь поразился Ерохин.

– Ты, – обиженно буркнула Яна, – тебе разве не объяснили, что мне уже не пять лет, а двенадцать.

– Для двенадцати лет ты слишком нахально клянчишь шоколадки, – засмеялся Ерохин.

– А ты слишком профессионально соблазняешь несовершеннолетних девочек. Чувствуется немалый опыт.

– Это откуда, интересно, у двенадцатилетней взялись такие познания?

– Сорока на ушко нашептала.

– Ну-ну, – неопределенно буркнул Ерохин.

Некоторое время шли молча. Покинули больничный двор, приблизились к военному уазу.

– На бибике поедem кататься? – снова засюсюкала Яна, хитро прищурившись.

– Деточка, – хмуро сказал Ероин, – заканчивай свои игры, можешь же нормально общаться.

– Могу, но не хочу! – упрямо скривила губки Яна, – так жить неинтересно.

– Залезай, – Ерохин открыл дверцу.

Со вздохом Яна забралась внутрь. Поерзала там немного, устраиваясь поудобнее, затем крикнула:

– Все. Поехали.

Ерохин захлопнул дверцу, обошел уазик, молча забрался на водительское сидение.

– Ладно, дядя Петя, не обижайтесь, – примирительно сказала Яна, – уже и покривляться немножко нельзя. Совсем чуточку.

– Чуточку можно, – сказал Ерохин и повернул ключ зажигания, – а кривляться нельзя.

Глава 6

Россия. Московская обл. г Мытищи. 7 февраля 2003 г. 10:01
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

Закрытый военный городок, новенькая военная форма, караульные с автоматами, незнакомые лица вокруг. Последние два дня выбили Алексея из привычной колеи и затянули в водоворот неконтролируемых событий и незнакомых лиц. Никто ничего не потрудился объяснить. Иди сюда, стань тут, подписывай это, пройди в автобус.

Вместо прохождения срочной службы в положенный срок, ему предложили альтернативу – службу по контракту в какой-то жутко секретной военной части. Алексей, почти не раздумывая, согласился. Пока все остальные друзья изыскивали способы закосить или откупиться от армейки, он на easy отслужит по контракту, да еще и денег подзаработает. Контрактник – это вам не срочник, у них и выходные бывают, и дедовщины нет, и наконец-то, долгожданная финансовая независимость от родителей.

Что за служба, и в чем она заключается, Алексей пока понимал смутно. Но, судя по всему, драить зубной щеткой унитазы и маршировать по плацу ему точно не придется. Какое-то секретное подразделение «Феникс», куда он, Алексей, попал, за свои победы на международных соревнованиях. Других предположений просто нет.

При подписании контракта выяснилось, что вместо двух лет, в армии придется провести целых пять. Однако, пообещали гособеспечение, – паек, обмундирование, жилье, приличный оклад. Когда услышал сумму, волосы встали дыбом, – с одной зарплаты можно комп недорогой взять. А еще лучше подождать два-три месяца, и купить настолько мощную машину, чтобы все друзья обзавидовались нахрен.

Родаки столько в жизни не дадут, да и нет у них такой суммы. Вечная нищета и безденежье, еле-еле тянут от одной маминой зарплаты до другой. Отец уже давно нигде не работает, только пьет. Столяры-краснодеревщики никому не нужны, а идти обычным плотником, видите ли, ему квалификация не позволяет. Хоть бы на учет в службу занятости стал. Целыми днями сидит дома и бухает.

А как напьется – скандал. Иной раз и до рукоприкладства доходит. Мама тоже в последние два года начала выпивать от безысходности. Закроются на кухне и синячат на пару, а потом ругня и битье посуды. В квартире всегда бардак, немытая посуда в мойке, пустой холодильник, и нет денег. Шутка ли, Алексей до сих пор носит все тот же свитер, что и в седьмом классе. Призовые, в прошлом году, по собственной глупости, отдал маме, так почти все ушло на долги за квартиру. Себе только мышку новую купил и с друзьями в кафешке посидели. Не откажешь же, святое дело однолюбников пивом угостить после турнира.

Чтобы заработать на видеокарту для старенького компьютера, пришлось раздавать листовки у метро. Платили копейки, а видеокарта жуть какая дорогая. Даже стыдно перед друзьями, что у него такая отстойная тачка. А потом все удивляются, как он выигрывает соревнования? Ты попробуй на этом говне мамонта поиграй. Когда садишься за нормальный комп, где все летает, а не телепортируется через половину экрана, так игра на любом уровне easy покажется.

А тут еще и собственная квартира в придачу, где никто не будет заставлять мыть посуду, подметать пол и выносить мусор. Посуды, кстати, в новой квартире вообще никакой нет. Питаться он будет в офицерской столовой, где кормят очень даже неплохо, успел там сегодня позавтракать. Мебели в квартире, правда, маловато, но ему она особо и не нужна. Наконец-то он съехал от родителей, давно мечтал об этом...

Пустая комната досуга напоминала учебный класс, обычные школьные столы и стулья, расставленные в два ряда, агитационные плакаты на стенах. Запылившийся, давно никем не поливаемый, цветок в огромной кадке, российские триколоры в нише, книжки по боевой и политической подготовке на полке. В центре старенький телевизор с большим экраном, расположившийся на еще более древней деревянной тумбе. Обнаружился и маленький портрет Путина.

В комнату досуга заглянул капитан, увидев нерешительно остановившегося Алексея, сказал:

– Проходи, занимай любое место. Сейчас остальные подтянутся.

Алексей устроился в середине правого ряда, спиной к стене. Он почему-то всегда так садился, даже если учителя реагировали неадекватно. Не мог сидеть спиной к другим людям, начинал нервничать без причины, косить глазами, беспрестанно оборачиваться. На соревнованиях иногда приходилось сидеть спиной к зрителям и жюри, и он при этом всегда нервничал, но ровно до того момента, пока раздастся сигнал начала матча.

Ладно, – подумал Алексей, – дальше что?

Внезапно в комнату досуга вошел огромный пес, Алексей невольно вздрогнул.

– Проходите, Елена, – сказал Ерохин, поддерживая под руку молодую и очень красивую, светловолосую девушку. Она держала на коротком поводке большого черного лабрадора.

– Алексей, помоги девушке, – скомандовал капитан, – мне надо остальных встретить.

Елена повернула голову в сторону Алексея, и тот мгновенно понял по невидящему взгляду девушки, что она полностью слепа. Алексей вскочил и, взяв ее за руку, провел и усадил за стол. Лабрадор, мгновенно сориентировавшись в ситуации, пристроился рядом с хозяйкой. Поколебавшись секунду, Алексей тоже сел рядом, хотя свободных мест было более чем достаточно. Елена опустила руку вниз, нащупала пса и погладила по холке. Затем повернувшись к Алексею, представилась:

– Лена.

– Алексей, – почему-то внезапно охрипнув, отозвался он.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась девушка.

– Мне тоже, – все так же смущенно ответил Алексей. Девушка была очень красива и старше Алексея всего на несколько лет.

Его внимание привлек непонятный шум в коридоре, Алексей перевел взгляд на дверь. Она отворилась, и в комнату въехал Артем на новенькой, блестящей инвалидной коляске. Алексею снова пришлось вскочить со своего места и освободить проход, слегка раздвинув пару столов и убрать несколько мешающих стульев. С Артемом они вместе ехали в микроавтобусе, там и познакомились.

Артем ловко, с шиком и грациозностью, развернул коляску, сдал задним ходом и пристроился за первым столом правого ряда.

Следующим вошел невысокий мужчина лет сорока-сорока пяти. Он спокойным и уверенным взглядом оглядел помещение, сел на первое попавшееся место, спиной к Алексею. Последним Ерохин ввел очень худого и невысокого парня, держа почему-то за руку, словно маленького ребенка. Парень озадаченно крутил головой вокруг, и вдруг тоненьким голоском пропищал:

– Здравствуйте, дяди и тети.

– Здравствуйте, – чуть ли не хором ответили все окружающие.

– Меня Яна зовут, – представился парень. По наступившей тишине нетрудно было догадаться, какое впечатление произвели его слова на окружающих.

– Веди себя тихо, – строго приказал Ерохин, и усадил парня на свободное место, кивнул мужчине:

– Сереж, присмотри, от этого чуда в перьях можно ожидать чего угодно.

Сергей хохотнул, и пересел к парню за один стол, наклонился и что-то шепнул на ухо. Парень в ответ заулыбался и тоже зашептал в ответ.

Вошли полковник Самохвалов, и с ним молодой, интеллигентного вида мужчина в толстых роговых очках.

– Присаживайтесь, Николай Павлович, – сказал Ерохин, – выбирайте любое свободное место.

– Ты, Ерохин, тоже, наверное, сядь, не маячь перед глазами, – попросил Самохвалов и встал между первых столов. Достал из внутреннего кармана пиджака очки, не спеша водрузил их на нос, отчего стал похож на пожилого школьного учителя. Словно по команде, все, включая Янку, усталились на полковника.

– Ну что, друзья мои, – начал Самохвалов, – нам предстоит очень непростой разговор. Начнем с организационных вопросов, прошу внимательно выслушать и не перебивать.

Вы все несколько дней назад подписали стандартный контракт и договор о неразглашении. Поэтому я сейчас поясню, что это для вас означает. А означает это, уважаемые товарищи, то, что с сегодняшнего дня вы все считаетесь призванными на действительную воинскую службу, в самое секретное подразделение российской армии.

Покидать территорию части без особого распоряжения категорически запрещается. У нас действует режим абсолютной секретности. Все контакты с внешним миром строго запрещены. Никаких звонков по телефону, писем, и просьб выпустить на полчаса за территорию.

По возможности, все контакты между вами и проходящими воинскую службу на территории части солдатами и офицерами необходимо свести к минимуму. Общение разрешается только при полной невозможности уклониться от разговора. Болтать можете на любые темы – погода, хоккейный матч, сериал. Но обсуждать происходящее в лаборатории, ваши прямые обязанности по контракту, или действия ваших коллег, запрещается категорически. Даже при досрочном разрыве контракта по инициативе министерства обороны, вы обязаны неукоснительно соблюдать обязательства по договору о неразглашении. Не хочу вас запугивать, но нарушение договора приравнивается к измене Родине. Наказание будет очень суровым.

На срок в десять лет вам запрещается выезд за рубеж, в любую страну, включая страны СНГ.

Вам запрещается делать фотографии, не только в лаборатории, но и на всей территории воинского подразделения. Запрещается пользоваться мобильными телефонами и другими средствами коммуникации, включая международную сеть интернет. Отныне вы отрезаны от внешнего мира, и будете жить исключительно по внутреннему распорядку воинской части, подчиняясь правилам, установленным в вашем подразделении.

Самохвалов приспустил очки на самый кончик носа и внимательно осмотрел притихших новобранцев, оценивая впечатление, произведенное его словами. Выдержав небольшую театральную паузу, продолжил, все тем же хорошо поставленным командирским голосом:

– Вы все получили служебные квартиры в военном городке для временного проживания. Питание для всех без исключения новобранцев будет производиться в офицерской столовой. Самостоятельное приготовление пищи в служебных помещениях запрещается. Если у кого-то возникнут проблемы с меню, или понадобится диетическое питание, нестандартные блюда, экзотические фрукты, овощи и т. п., обращайтесь к начальнику столовой. Он вас выслушает и, при наличии возможности, обеспечит требуемый рацион.

Если начальник столовой не может обеспечить ваши пожелания, то подаете рапорт Ерохину, где подробно описываете возникшую проблему – постараемся решить.

Прошу обратить внимание, на территории воинского подразделения имеется, так называемый, «чипок» – офицерское кафе, где вы можете приобрести за наличный расчет средства личной гигиены и различные сладости, газированную воду, шоколад, фрукты. Можете просто посидеть и попить кофе с пирожными. То же самое можно сделать и в специально оборудован-

ной комнате для отдыха при лаборатории. Там имеется бильярд, настольный теннис, рыбки в аквариумах, различные настольные игры: шашки, шахматы, нарды.

Постельные принадлежности, мебель, одежду и обувь вы можете получить у коменданта. Для вас особых требований по форме одежды я предъявлять не буду, но имейте в виду, что машина в Москву по вашему первому требованию не поедет. Если кому-то нужны предметы личной гигиены, отсутствующие в чипке, любые другие предметы первой необходимости, включая одежду и обувь, пишите рапорт на имя Ерохина Петра Яковлевича, прикладываете список необходимого. Вам все привезут.

Если кто-то почувствует недомогание – обращаться в санчасть. Там есть дежурный военврач и фельдшер. В случае более серьезного заболевания, они обеспечат доставку пострадавшего в военный госпиталь закрытого типа.

На территории части так же имеется баня. При лаборатории – индивидуальные душевые кабинки. Помещение казармы оборудовано стандартным набором хозяйственно-бытовых помещений: каптерка, сушилка, умывальник, туалет. Разберетесь.

Чтобы вы совсем не одичали, на территории части действует библиотека и клуб, в котором по выходным показывают художественные фильмы отечественного производства. В каждой служебной квартире, со временем установим цветные телевизоры и видеомэгафоны. Я уже отдал соответствующие распоряжения, оборудование приобретается. Кассеты вы сможете бесплатно брать напрокат в клубе. У нас очень большая коллекция, свыше двухсот фильмов. Ежедневно закупаются новинки, так что скучать в свободное время вам не придется.

Самохвалов делано засмеялся, чтобы разрядить обстановку, но ответных улыбок у новобранцев не увидел. Только Алексей ерзал на стуле, однако спросить не решался.

– Командиром группы официально объявляю капитана Ерохина, Петра Яковлевича. По всем возникающим вопросам обращаться непосредственно к нему. Далее, старшим группы назначаю Мотыль Сергея Леонидовича.

Мотыль приподнялся, кивнул головой, сел.

– Состав группы укомплектован не полностью, – сказал Самохвалов, – очень скоро к нам присоединится еще один человек. Его зовут Якут, и он шаман. Вижу удивление на ваших лицах. Якут – человек своеобразный, но интересный, коммуникабельный и образованный. Он вам понравится.

Из всей группы только у двоих есть опыт осознанных сновидений. Задача остальных: в самые кратчайшие сроки пройти обучение и получить внутреннюю специальность.

Ежедневно в этом помещении я буду проводить лекции. В мое отсутствие этим будут заниматься Якут или Мотыль. На лекции присутствовать всем без исключения, и в обязательном порядке. После лекции вы отправляетесь в лабораторию, где под руководством Николая Павловича, младшего научного сотрудника института сомнологии, будете на практике применять полученные знания. А он будет вас изучать и поможет освоить новую профессию. Есть вопросы?

Лена подняла руку и спросила:

– Скажите, – она на секунду замялась.

– Василий Петрович, – быстро подсказал Самохвалов.

– Скажите, Василий Петрович, а как долго продлится наша изоляция от общества? Мама будет очень сильно волноваться.

– Не меньше месяца. Возможно, три месяца. – Самохвалов был непреклонен, – поймите, Елена, это не моя прихоть. К вашей маме пойдет капитан Ерохин, все объяснит и успокоит.

Лена кивнула головой, других вопросов задавать не стала. Следующим поднял руку Алексей.

– Скажите, Василий Петрович, – он сам поразился собственной дерзости.

– Товарищ полковник, – поправил его Самохвалов, – вы, Смаев, теперь человек военный, и должны обращаться к старшему по званию, согласно уставу.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, – Алексей мгновенно вспомнил нужную формулировку обращения, – а можно мне приобрести компьютер? Я напишу, в какой комплектации.

– Все необходимое, товарищ солдат, есть в лаборатории. Обратитесь к Николаю Павловичу, он выделит вам машинное время. Если вам компьютер понадобился для личных нужд, то напишите рапорт капитану Ерохину. Еще раз повторяю для всех, чтобы мы не теряли зря времени, если у вас возникают какие-либо вопросы, которые вы не можете решить самостоятельно – пишите рапорт по установленной форме. Всем ясно?

Нестройный хор голосов подтвердил согласие присутствующих.

– Ну и прекрасно, – подвел итог Самохвалов, – если организационные вопросы мы успешно решили, то переходим к рабочим.

Что такое «Феникс»? И чем наша группа будет заниматься? Рассказываю.

В конце тридцатых годов прошлого века советские ученые, изучавшие мир сновидений, столкнулись с тайным знанием, которому по важности для человечества не было равных. В обстановке строжайшей секретности, и под охраной специального отряда НКВД, нашим гениальным ученым удалось продвинуться очень далеко. Но открытию помешала Великая Отечественная Война. Все работы по изучению снов были приостановлены. Подавляющее большинство ученых ушли на фронт, чтобы защищать Родину. В 1942 году одному из ученых оставшихся в тылу, фамилию я, к сожалению, запомнил, удалось прорваться на прием к самому товарищу Сталину.

Вы должны понимать, что такое военное время, и насколько сложно было попасть на прием к самому главному человеку в стране. Враг недалеко от Москвы, тяжелые и кровопролитные бои, рабочий день главнокомандующего был расписан буквально по минутам. Но ученый сумел не только добиться аудиенции, но и убедил товарища Сталина в необходимости создания боевой тактической группы специального назначения, для ведения противостояния военной машине фашисткой Германии в глубинах сна. Мне неизвестны подробности этого разговора. Какие именно слова нашел ученый, какие доказательства предоставил? Все это уже не важно.

Ранней весной 1942 года, под руководством советского учёного-физиолога, доктора биологических наук, Ярбус Альфреда Лукьяновича, такая группа была создана. Проект курировал лично Лаврентий Павлович Берия. Никаких документальных материалов я вам предоставить не смогу, все они были уничтожены. Но могу рассказать о той, самой первой группе.

Первый состав группы «Феникс» полностью состоял из инвалидов войны, комиссованных по состоянию здоровья. Молодые парни, получившие увечья, не могли больше воевать с оружием в руках, а лежать в кровати и вести противостояние в глубинах снах им было по силам. Поэтому ученые очень быстро набрали семерых добровольцев, которые сформировали костяк группы «Феникс», а позднее должны были обучить других.

Для лечения раненых и больных военнослужащих с конца июня 1941 г. в тыловых районах СССР началось развертывание специальных госпитальных учреждений. В одном из таких эвакуогоспиталей, оригинальное название которого не сохранилось до наших дней, проходило лечение очень большое количество «самоваров товарища Сталина». «Самоварами» цинично, но очень точно, называли тяжело изувеченных взрывами и осколками солдат-инвалидов, у которых не было ни рук, ни ног. Из всех конечностей оставался только «краник»...

Все эти люди были героями войны, требовавшими специального ухода и лечения. Врачей и медсестер не хватало. С медикаментами тоже были перебои. А между тем, верховное командование СССР, получив первые положительные результаты экспериментов «Феникса»,

строили грандиозные планы по увеличению численности группы. Ни один «самовар» бы не отказался от возможности отомстить врагу за свое увечье. Хотя бы во сне.

Эвакогоспиталь был развернут на Кавказе, и в среде раненых быстро получил едкое прозвище «Ахмедлаг». Думаю, пояснять почему, вам не нужно. Я уже упоминал про специальный отдел НКВД и полную секретность проекта.

Всего через несколько месяцев после формирования, боевая группа столкнулась с аналогичной Traum Gruppe, сформированной немцами, и вступила в фазу активного противостояния. В августе 1944 года весь состав группы «Феникс-1» героически погиб при выполнении боевого задания.

Спустя много лет, в 1975 году, Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко принял решение о возобновлении работы группы «Феникс». Научную работу осуществлял молодой и талантливый ученый Семен Моисеевич Вейн. А руководство группой возложили на меня, тогда еще молодого и амбициозного старлея. Группа успешно выполняла свои функции до июля 1991 года, после чего была окончательно расформирована, а вся научная документация уничтожена. А еще через два года и меня отправили на заслуженную пенсию.

Прошло всего десять лет, и вот «Феникс» возрождается из пепла...

Россия. Московская обл. г Мытищи. 7 февраля 2003 г. 15:30
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

– Значит, продал? – задумчиво спросил Самохвалов и заиграл желваками.

Артем пожал плечами и нахмурился.

– Жрать было нечего. После смерти матери обил пороги всех организаций города, общество ветеранов подкинуло денег, местный военком выделил, даже администрация пошла на встречу, выделила тридцать сребреников. Только это все копейки, понимаете? Похороны вышли скромными, но выпотрошили меня полностью. У друзей занимал, у знакомых... Пенсию получу, часть долгов раздам, на еду, минимум оставляю. В квартире уже ничего ценного не оставалось, мать все продала, пока меня по больницам таскала. А тут коллекционер приперся, хорошую цену предложил. Я и отдал. Что с них толку, с этих железок? Ноги они мне не вернут. И маму тоже...

Рука Артема непроизвольно сжалась в кулак.

Не дождетесь, суки!

– Грошь – цена стране, которая не ценит своих искалеченных солдат, – глухо добавил он. Самохвалов снял очки, аккуратно положил на стол, вытер вспотевшее лицо. Захлопнул папку с личным делом Артема, отодвинул в сторону.

– Родину и судьбу не выбирают.

Артем скептически хмыкнул в ответ.

– Ты солдат, Артем. Это твоя судьба.

Рука Артема снова сжалась в кулак.

– Я хочу, – сказал полковник, – чтобы ты взял на себя силовое прикрытие группы.

– Каким образом? – зрачки Артема расширились, – я – калека.

– Воля сильнее тела. Там, где понадобятся твои навыки, тела у тебя не будет...

Россия. Московская обл. г Мытищи. 8 февраля 2003 г. 20:17
Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

Заняться было решительно нечем. Алексей сначала просто скучал, сидя на кровати, а потом «стены начали давить» и ожидание ночи превратилось в настоящую пытку. Сложно описать это ощущение, как будто очень медленно, совершенно незаметно для глаз, стены сдвигаются и комната становится все меньше и меньше. Ты растеряно смотришь по сторонам, вроде бы все на своих местах, как и раньше – кровать, тумбочка, шкаф. А нет, не совсем. Расстояние от койки до шкафа вроде бы раньше было больше, а теперь уменьшилось. Или нет? Ну не могут же предметы двигаться?

Или могут?

И тумбочка раньше стояла чуть-чуть дальше, у стены. А сейчас? А сейчас она так же у стены, но гораздо ближе к койке. Проходит еще какое-то время, смотришь, а тумбочка-то уже вплотную с ней стоит... И спинка койки теперь тоже касается стены. А как раньше было? Был зазор. Или не было? Но шкаф то явно стоял чуть-чуть дальше, чем сейчас. Гораздо дальше, на пару шагов.

Или нет?

Фантазия мгновенно рисует казарму-трансформер, со встроенными в стены хитроумными шестеренчатыми механизмами и бесшумными гидравлическими силовыми приводами. Злорадно ухмыляясь, офицеры заводят в просторную, светлую комнату новую жертву – молоденького солдата-новобранца. Проходи мол, располагайся, чувствуй себя, как дома, отдыхай от тягот и лишений воинской службы.

Новобранцу скучно, он походил – походил по комнате, заскучал, да на кровать завалился, не снимая сапог. Механизм внезапно приходит в движение, одна шестеренка цепляет за зубец другой, гидравлический поршень передает усилие на штангу, и вот плоскость стены вздрогнула, едва заметно шелохнулась, поползла по направляющим, на какие-то доли миллиметра уменьшая комнату.

А новобранец лежит на кровати и ничего не замечает, плюет в потолок, который, между прочим, очень-очень медленно опускается прямо на него сверху. Солдат за день умаялся, глазки прикрыл и задремал. А часики едва слышно тикают. Каждую секунду комната на пару миллиметров уменьшается. Вот и ночь наступила. В казарме мертвая тишина, только стены, знай себе, бесшумно движутся навстречу друг другу. А под утро комната уже размером со шкаф, и все продолжает ужиматься. Но спит солдат, и ничего не замечает. И вот комната уже размером с гроб...

Новобранец просыпается, с ужасом оглядывается вокруг, а с места сдвинуться не может. Намертво застрял между стенками ящика, в который превратилась комната. А те продолжают сдвигаться все ближе и ближе, пока не брызнет в щели густая красная жижа...

Алексей вздрогнул, покачал головой, – вот же дурак, сам себе жути нагнал на пустом месте. Однако, сидеть в комнате он больше не мог. Осторожно вышел, оглядел коридор – в обе стороны, никого. На цыпочках прокрался к лестнице, спустился на первый этаж, открыл тугую скрипучую дверь, вышел на улицу. В лицо, словно струей из брандспойта ударил пронизывающий насквозь ветер, напополам перемешанный с ледяной крупой. Эх, накинуть бушлат не догадался!

Но вот так сразу уходить не хотелось, и он постоял на пороге еще некоторое время, дрожа от озноба и наслаждаясь бодрящим морозным воздухом. В неверном свете фонарей одинаковые двухэтажные домики офицерского общежития казались игрушечными. В конце улицы виднелся небольшой клуб, за которым спряталась невидимая отсюда баня. В противоположной стороне, – офицерская столовая и котельная, – вон, дым валит из трубы. Из этих построек и состоял весь военный городок. Ничего лишнего, только разумная достаточность.

Алексей разочарованно хмыкнул, захлопнул дверь. Возвращаться обратно в пустую комнату не хотелось, да и ощущение пережитого наяву кошмара, было все еще достаточно свежо. Чтобы немного отвлечься, он решил прогуляться по коридору первого этажа.

Может в гости к кому-нибудь зайти? Но к кому? К дебилу Костику, отзывающемуся на девчоночье имя Яна? Нафиг- нафиг. Тогда к кому? К Артему? Он передернул плечами. При виде калеки Алексей испытывал сложную гамму чувств – смущение, мистический страх, любопытство и робость одновременно. Нет, пожалуй, к Артему он не пойдет. Да и о чем разговаривать с инвалидом? Он старше Алексея в два раза, в Чечне воевал. Серьезный мужик, компьютерными играми не увлекается. Одним словом, общих тем для разговора нет, и не может быть.

Но к кому зайти тогда? Может к бывшему зеку, которого, вытащили прямо из зоны и зачем-то привезли в воинскую часть. Алексей прошел мимо комнаты Сергея Мотыля, слегка ускорив шаги. Смотреть на уголовника и, при этом, не отводить взгляд в сторону, он пока еще не научился. Желания общаться не возникло.

Следующая комната пустовала, Алексей пошел дальше и остановился около двери Лены. Он нерешительно потоптался на месте, собираясь постучать, но девушка его опередила.

– Заходи, Леш. Открыто, – прокричала она.

Он растерянно открыл дверь и вошел, встретив на пути Рекса.

– Привет, – автоматически сказал Алексей лабрадору, потом перевел взгляд на девушку и автоматически поздоровался еще раз.

– Да виделись уже, – засмеялась Лена.

Комната девушки оказалась точным двойником комнаты Алексея – та же мебель, расставлена на тех же местах. Только в воздухе витает едва уловимый аромат женских духов. Лена сидела на кровати и смотрела в его сторону. Именно так, в его сторону, а вовсе не на него. Это выглядело немного жутковато. Алексей засмутился еще больше, и чтобы не молчать, спросил:

– А как ты догадалась, что это я?

– По походке, – улыбнулась Лена, привычным жестом поправила прическу, – скучаешь?

– Честно говоря, да, – неожиданно для себя самого признался Алексей, – компа нет, заняться вообще нечем.

– Книжку почитай.

– Да ну, не люблю я читать, – отмахнулся Алексей, – да и не взял ничего с собой.

– У меня тоже нет, – развела руками Лена, – завтра у Ерохина спрошу, здесь есть библиотека.

Алексей раздраженно дернул плечом:

– Да ну их, книжки, лучше бы комп разрешили.

– Да у тебя ломка, – рассмеялась Лена.

– Чего?

– Я говорю, зависимость у тебя к компьютерным играм.

– Нет у меня никакой зависимости, – огрызнулся Алексей.

– По видимому есть, – задумчиво произнесла Лена, – можно попробовать тебе помочь.

А ты во что умеешь играть?

– В смысле во что? – растерялся Алексей, – как мы без компа играть будем?

– Ну, можно в настолку поиграть, шахматы, шашки.

– Шахмат тоже нет, – пробормотал Алексей, – ничего нет, ни карточной колоды, ни даже костяшек домино.

– Сейчас, – задумчиво произнесла Лена, не вставая с кровати, она нащупала тумбочку, выдвинула ящик. Лабрадор, смиренно дремавший на полу, резко поднял голову и внимательно следил за действиями хозяйки. Лена достала из ящика школьную тетрадь в клетку и авторучку.

– Вот, – сказала она, – держи.

– Зачем это? – удивился Алексей, – карты будем рисовать? Или домино?

– В морской бой играть умеешь?

– А чего там уметь? – удивился Алексей, – простая же игра. Корабли по клеточкам и стреляй. Проще тетриса.

– Ну вот, – засмеялась Лена, – можно сыграть в морской бой.

Алексей нахмурился.

– А ты как?

– Что – как? – не поняла Лена.

– А ты как будешь играть? – сказал Алексей, – ты же поле не видишь.

– Так же, как гроссмейстеры играют в шахматы без доски, – ответила Лена, – по памяти.

– А так можно? – недоверчиво скривил бровь Алексей.

– Почему нет?

– Ну, давай попробуем, – неуверенно согласился Алексей, – только ведь я тебя, шутя, обыграю.

– А это мы еще посмотрим, – хихикнула Лена, подзадоривая Алексея.

Он взял авторучку, быстро и уверенно расчертил два поля. Расставил квадратики кораблей. Один четырехпалубный, два трехпалубных, три двухпалубных и четыре однопалубных. Корабли встали немного неравномерно, в правой – нижней части поля сгрудились сразу несколько штук.

Поднял голову, посмотрел на Лену. Она услышала или догадалась, быстро спросила:

– Готов?

– Да, – ответил Алексей.

– Начинай.

Алексей посмотрел на поле, неуверенно поводит авторучкой и ткнул в первое попавшееся место.

– В-4

– Мимо, – сказала Лена, – А-1.

– Тоже мимо, – пожал плечами Алексей.

Не квайк, конечно, подумал он, и даже не тетрис. Но все лучше, чем скучать одному в пустой комнате.

Игра шла бойко, как-то сразу и незаметно Лена перехватила инициативу. После серии промахов, она нащупала четырехпалубный корабль и в несколько ходов уверенно потопила его. Промазав всего один раз, попала в трехпалубный. Корабль стоял уголком, Лене пришлось стрелять несколько раз, она никак не могла нащупать направление поворота, но через три хода все-таки утопила и почти сразу потопила двухпалубный.

Успехи Алексея оказались куда более скромными, он ухитрился потопить всего один трехпалубный и один однопалубный, и то по счастливой случайности. Проигрывать девчонке было стыдно. Вооружившись авторучкой, он быстро прикинул вероятное расположение четырехпалубного корабля, наметил несколько точек, начал перекрестный обстрел. После шестого хода, наконец-то нащупал четырехпалубный и потопил его. Тем временем, Лена утопила его двухпалубный, и два однопалубных по углам поля.

Слава богу, – подумал Алексей, – что я не поставил все четыре однопалубных по углам.

Елена потопила трехпалубный, и Алексей нащупал и потопил трехпалубный. Теперь, когда больших кораблей не осталось, удача повернулась лицом к Алексею. Тщательно расставляя точки вокруг поверженных кораблей Елены, он вычленил и зачеркнул мертвые зоны игрового поля, в которых кораблей не могло быть в принципе. Оставшийся участок поля начал обстреливать в шахматном порядке. Очень быстро нащупал и один за другим утопил все три двухпалубных корабля. Спустя еще минут десять, утопил один однопалубный. Всего оставалось на плаву у Елены только два однопалубных. Быстро пересчитав свободные клеточки, Алексей остался доволен, максимум через десять ходов игра закончится в его пользу. Но он ошибся, игра закончилась через четыре хода его проигрышем. Елена потопила последние два корабля Алексея и засмеялась.

– Ну как, понравилось? – спросила она.

Алексей озадаченно смотрел в тетрадку. Как же так? Его только что обыграла совершенно слепая девушка, которая даже не могла подсмотреть в листок. Она держала перед внутренним взором игровое поле с собственными кораблями и кораблями Алексея. Помнила, где раненные, а где убитые, мысленно отмечала уже простреленные клетки, чтобы не стрелять дважды в одно и то же место. И при этом, не только ни разу не ошиблась, но что совершенно немисливо, она выиграла.

– Еще раз? – с надеждой спросил Алексей, – хочу отыграться.

– Не сегодня, – устало улыбнувшись, произнесла Елена, – устала с непривычки, да и поздно уже.

Алексей посмотрел на часы, хмыкнул:

– Вот быстро время пролетело. Пошел я тогда спать.

Он аккуратно сложил тетрадь и авторучку обратно в ящик стола.

– Спокойной ночи, Леш, – сказал Лена на прощание.

– И тебе тоже, – попрощался Алексей.

Вернувшись к себе в комнату, он первым делом очень внимательно изучил комнату. Нет, за время его отсутствия, размеры помещения не изменились. Он рассмеялся нелепым страхам, разделся и лег спать.

Глава 7

Россия. Московская обл. г Мытищи. 9 февраля 2003 г. 20:22

Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России

Артем резко остановился, ухватив перчаткой колесо, внимательно прислушался к голосам из курилки. Они звучали негромко, но уверенно и властно.

Первый голос сказал:

– Эй, молодой, иди-ка сюда. Закурить есть?

– Не курю, – спокойным голосом ответил Алексей.

– Слышал, Васян? Нас с тобой нахуй послали.

– Не понял, Сивый, – глухо и с явственной угрозой произнес второй голос, – кто это такой борзый?

Ясно, подумал Артем, щупленький Лешка в новенькой армейской форме привлёк внимание местных «дедушек». Нужно выручать пацанчика, заклюют ведь. Не способен пока этот компьютерный задрот постоять за себя в реале.

Артем двинулся очень медленно, чтобы внезапным скрипом колеса не выдать своего присутствия.

– Взять на себя силовое прикрытие группы? – едва слышно пробормотал он одними губами, – ладно, полковник, сейчас возьмем...

Он доехал до входа в курилку, и снова притормозил, изнутри его не было видно за припорошенными снегом кустами. «Дедушки» оказались несерьезными соперниками, худенькие, невысокие, не на много старше Алешки по возрасту. Одним словом – шпана.

– Ты из какой роты, чудик? Что-то я тебя раньше тут не видел.

– Я не из роты, – ответил Алексей, – я со спецобъекта.

– Вон оно что-о-о, – задумчиво протянул Сивый, – «спецура». И давно службу несешь?

– Второй день.

– Душара, значит!

– Чего?

– КМБ? Курс молодого бойца?

– Я – контрактник.

– Хренасики, Васян, ты слышал? Душары у нас теперь прямо сразу по контракту служат.

– Что вам нужно от меня? Сказал же, – не курю.

– А нам любопытно, почему некурящий сидит в курилке и свободное место занимает?

– Вам что, жалко? Свежим воздухом дышу.

– Это в курилке-то?

– А ты чего борзый такой? – вновь встрял в перепалку Васян, – ты как с «дедушками» разговариваешь, щегол?

– Извините, – скис Алексей.

– Нам твое извинение и нахер не нужно, – подхватил Сивый, – метнись электровеником в «расположение» и «стрельни» нам с Васяном по сигарете.

– Бегом солдат! – рявкнул второй «дедушка», – пока мы не разлились по-настоящему.

Ну, кажется, время пришло, Артем выехал из-за кустов и ухватил пробегающего мимо Алексея за бушлат.

– Притормози, Леш, разговор есть.

– Дядя Артем, вы не дадите мне пару сигарет? – пролепетал Алексей непослушными губами.

– Да с удовольствием, – засмеялся Артем, – только с чего это ты вдруг решил закурить? Новые друзья уговорили?

Он кивнул в сторону внезапно притихших «дедушек».

– Это для них, – опустил голову Алексей.

– Вот как? – усмехнулся Артем, – так я их сейчас сам и угощу.

Он развернулся и въехал в беседку-курилку. Растерянность на лицах солдатиков при виде инвалидной коляски его слегка позабавила.

– Ну что, молодежь, – громко спросил он, – курить хочется, а денег нет? Налетай, кто смелее, забирай всю пачку.

Он достал сигареты и теперь держал их в левой руке. Расчет оказался верным, ничего не подозревающий Васян, оказался падок на халяву, шагнул вперед и слегка наклонился. Артем резко вскинул правую руку вверх и ухватил его за нос. Тот замычал и попытался оторвать руку от своего лица, но ему это не удалось. Артем сжал нос сильнее и слегка крутанул по часовой стрелке, Васян взвыл от боли и рухнул на колени, оказавшись вровень с лицом Артема.

– Послушай меня, дружище, – тихо, но очень четко сказал Артем, – если хочется курить, подойди и попроси сам. Понимаешь меня?

Тем временем второй «дедушка» завопил:

– Эй ты, инвалид, а ну-ка отпусти его!

И непонятно чего было больше в его голосе, – страха, угрозы или растерянности.

– А то что? – спросил Артем, не поворачивая головы, он все еще внимательно смотрел прямо в налившееся кровью лицо Васиана. Не нравилось ему выражение глаз.

– А не то... – Сивый поперхнулся, сжал кулаки и бросился на помощь подельнику. Курилка маленькая, бежать недолго. Артем резко выбросил левую руку навстречу и попал «дедушке» кулаком в пах. Сивого согнуло пополам, и тогда Артем провел чудовищный апперкот левой в челюсть, – в вечерней тишине отчетливо лязгнули зубы. Сивый опрокинулся назад, упал спиной на заплыванный снег усеянный сотнями окурков.

Артем снова повернулся к Васиану и спросил:

– Так ты меня понял?

Тот попытался кивнуть головой, замычал и отчаянно замахал обеими руками.

– Ну ладно, – сказал Артем и отпустил нос.

– Валим! – закричал Сивый и бросился бежать, Васян последовал следом, оглядываясь на бегу и зажимая рукой пострадавшую часть тела.

– Куда же вы? – крикнул Артем вслед, – сигареты забыли.

Но ответом был только удаляющийся топот сапог и скрип снега.

– Спасибо, дядя Артем, – сказал Алексей, переминаясь с ноги на ногу, – а ловко вы их!

Россия. Московская обл. г Мытищи. 12 февраля 2003 г. 02:17

Секретный объект из состава комплекса Академии СВР России.

Артем устало брел уже несколько часов, еле-еле передвигая ноги. В белесом небе немилосердно жарило солнце, а песок нагрелся до температуры раскаленной сковородки. Ткань формы огрубела и царапала тело при каждом движении, под берцами осыпался песок лишая равновесия, броник повис на плечах невыносимой тяжестью. Очень хотелось остановиться, снять его и зашвырнуть к чертям собачьим.

Левой рукой Артем нащупал фляжку, отцепил от пояса и открутил крышку. Сделал один маленький глоток. Вода оказалась горячей, противно-соленой на вкус и пахла болотом. Она совершенно не утоляла жажды. Хотелось еще. Артем аккуратно качнул фляжку в руке. Оста-

лось на пару глотков. Один час – один глоток. Значит, жить ему еще часа два. А что потом? Без воды в пустыне смерть. Он вытер рукавом мгновенно вспотевший лоб.

– Вот черт, – выругался он.

На горизонте что-то шевельнулось. Судорожными движениями Артем закрутил крышку, даже последний глоток терять не стоит, прицепил фляжку обратно. Сорвал автомат с плеча, упал на песок. Снял с предохранителя и передернул затвор, выбрал позицию у подножия огромного валуна, затаился. В глазах плывет – это колышется раскаленный зноем воздух. Поправил каску и приложил к глазам полевой бинокль, повертел колесико, настраивая резкость. Женщина. Оружия нет. Молодая. Волосы светлые. Слава богу!

Артем вытер пот и встал во весь рост, поставил автомат обратно на предохранитель, закинул за спину. Таиться дальше не имело смысла. Поднял руку и помахал ею, кричать не стал, девушка еще слишком далеко. Кажется, его заметили, она тоже помахала в ответ. Артем вышел из-за камня, под ногами захрустел мелкий гравий, опять зашелестел песок. Девушка медленно приближалась.

Странно одета для пустыни, думал Артем, легкое платье, босиком, рюкзака нет, фляжки тоже нет. Возможно, на джипе ехала? Ладно, чего гадать, сама расскажет.

Девушка приблизилась, улыбнулась и сказала:

– Привет, Артемка! Как дела?

Артем озадачено разглядывал ее. Нет, девушку не узнал, но улыбка казалась смутно знакомой. Словно они уже виделись когда-то давно. Может не здесь, а в другой жизни. Сколько не напрягал память, вспомнить не смог. Что-то было не так. Она стоит перед ним в коротеньком, легком платье и босиком. А он в полной амуниции, в сапогах и с автоматом. И это посреди пустыни, в сотнях километров от жилья. Как он сюда попал? Что он здесь делает? Артем никак не мог вспомнить.

– Привет, – ответил, чтобы не молчать, – машина сломалась?

– Да я без машины, – улыбнулась Лена, – не узнаешь, что ли?

– Нет, – растерянно буркнул Артем.

– Жаль, – искренне удивилась Лена, – а я тебя сразу узнала.

Артем озадаченно покачал головой. Ничего не понимаю. Что за игру она затеяла?

– Ты сейчас спишь, – сказала Лена, – а я тебе снюсь.

– А ты? – закашлявшись, глухо спросил Артем. Во рту опять пересохло, но воду допивать нельзя.

Помни: один час – один глоток.

– И я сплю, – произнесла Лена, звонким голосом и расхохоталась, – ну до чего ты смешной, Артемка. Нафига столько железа напялил?

– Я солдат, – нахмутив брови, ответил Артем.

– Я солдат, – смешно кривляясь, передразнила Лена, и пропела, – я солдат, недоношенный ребенок войны...

Артем промолчал.

– Ты сейчас дрыхнешь в кровати, весь облепленный датчиками, – сказал Лена, – еще и храпишь на всю лабораторию.

Что она несет? – думал Артем, – и что вообще происходит?

Он внезапно почувствовал странную слабость, в голове загудело, мир стал расплываться.

Что за херня? Я что, действительно сплю? Это сон?

– Подожди, не уходи, – крикнула Лена вслед, но было уже поздно. В глазах резко потемнело, и в ту же секунду Артем вскинулся на железной солдатской койке.

– Черт! – завопил он на всю лабораторию, – черт, черт, черт! Ну какого хрена?

Лаборант вежливо похлопал по плечу:

– Успокойтесь, Артем Владимирович, вы опять все провода оборвете.

– Лена приходила, – с досадой простонал Артем, – Она сама меня нашла и пыталась разбудить. И только я сообразил, что нахожусь в сновидении, так сразу же проснулся. Почему мне не удается задержаться хотя бы на пару минут?

– В реальном времени почти шесть секунд контакта, – сказал Николай Павлович, подходя к кровати Артема, – это в два раза дольше, чем в прошлый раз. Но ты прав, Артем, тебя выбрасывает именно в тот момент, когда ты осознаешь, что все происходящее вокруг – сон.

– Что мне делать, чтобы удержаться?

К кровати подошел Мотыль.

– Успокойся, Артем, вспомни, как было в самый первый раз, когда я тебя будил?

Артем на секунду закрыл глаза.

Как это было, когда он осознал себя во сне в самый первый раз?

– Так, друзья, сначала совсем немного теории, – сказал Николай Павлович, – расслабляемся и слушаем внимательно мой голос.

Во время сна в мозгу человека сменяется несколько различных стадий активности. Выделяют две основных фазы сна: медленный и быстрый, т.н. БДГ-сон, или сон с быстрыми движениями глаз, в англоязычной литературе – REM, rapid eye movements.

Они отличаются суммарной электрической активностью мозга, двигательной активностью глаз, тонусом мышц и многочисленным вегетативным показателям: частотой сердечных сокращений и дыхания, электрической активностью кожи и т.п.

Медленный сон, в свою очередь, подразделяется на несколько стадий, различающихся по глубине: дремота, сонные веретена, дельта-сон (с различными амплитудами).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.